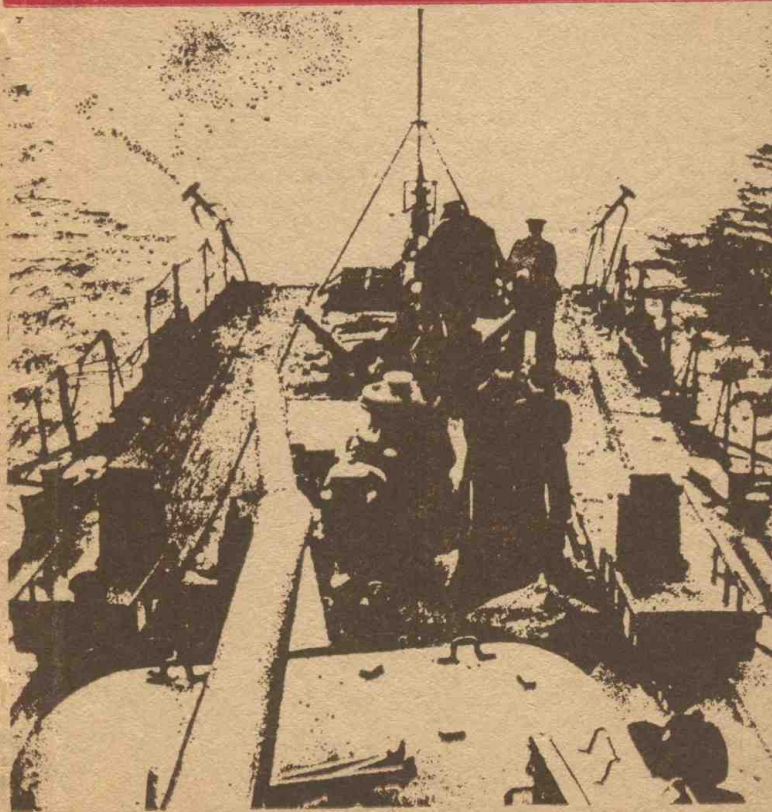

Д. Н. Ведерников

ОГНЕННАЯ ЮНОСТЬ

15 к.

Д.Н.Ведерников

ОГНЕННАЯ ЮНОСТЬ

Танцевали Рина Суфья-
Новику, Рамия Табдраки-
мовна и Наевердижан!

На добрую память о подви-
гах юнкер моряков в
годы Великой Отечествен-
ной войны!

Автор капитан 2 ранга
Александр

Уфа

Башкирское книжное издательство
1989

63.3(2)722.78
В 26

Ведерников Д. Н.

В 26 Огненная юность. — Уфа: Башк. кн.
изд-во, 1989. — 104 с.

Автор ряда книг о моряках из Башкирии новый сборник очерков посвящает башкирским юнгам, принимавшим участие в защите Родины в годы Великой Отечественной войны.

Книга предназначена широкому кругу читателей.

В $\frac{0503020600-106}{М 121 (03)-89}$ 16—89

63.3(2)722.78

ISBN 5—295—00232—2

© Башкирское книжное издательство, 1989.

ВСТУПЛЕНИЕ

Вероломное нападение фашистской Германии на Советский Союз 22-го июня 1941 года подняло на защиту социалистического Отечества не только все взрослое население, но и юных патриотов страны Советов. В комсомольские комитеты, военкоматы и даже в центральные органы власти поступали тысячи заявлений юношей с просьбой зачислить в воинские части, сражающиеся на фронте.

Это страстное желание молодежи защищать Родину совпадало с государственной потребностью пополнения рядов Военно-Морского Флота, поскольку с первых же месяцев войны моряки добровольно уходили на сухопутный фронт. Они сражались в морской пехоте, несли оборону военно-морских баз и островов, участвовали в десантах и других боевых операциях. Всего флот направил на разные фронты свыше 400 тысяч человек из своего личного состава. В их числе было много корабельных специалистов, а это отрицательно сказывалось на боеспособности кораблей. Поэтому Советское правительство разрешило наркому Военно-Морского Флота принимать добровольцев-юношей в воз-

расте 15—16 лет и в специальных школах готовить из них боцманов, рулевых, радистов, электриков, мотористов и других специалистов.

Такая школа была создана в начале 1942 года на Соловецких островах при учебном отряде Северного флота. Всего было принято сюда 1500 юнг, в том числе из Башкирии— 161 человек.

Юнги сами обживали свою школу — строили землянки для жилья, складские и другие подсобные помещения. Расписание занятий было насыщенным — кроме обучения по специальности, политическая, строевая, стрелковая, тактическая подготовка, уставы, шлюпочное дело, корабельный распорядок и т. д. Много внимания уделялось обстановке на фронтах.

Офицеры и политработники школы на ярких примерах показывали, что героизм на фронте является не случайностью действий одиночек, а основным содержанием выполнения долга большинством советских воинов. Каждый юнга постигал необходимую истину об истоках всенародного мужества, отваги и героизма.

Дни учебы были очень напряженными. Занимались по 10—12 часов ежедневно. В первых числах сентября обучение завершилось. Наступили государственные экзамены. Большинство юных моряков сдали экзамены по всем дисциплинам только на «хорошо» и «отлично».

В торжественной обстановке перед знаменем школы в присутствии всего личного состава юнги дали клятву:

«Родина! Великая Советская держава! В день отправки нас на боевые корабли даем тебе свою нерушимую клятву. Мы клянемся с до-

стоинством и честью оправдать оказанное нам доверие, умножать боевые традиции советских моряков, хранить и оберегать честь родного Военно-Морского Флота. Мы клянемся отдать все силы, а если потребуется, отдадим и жизнь за свободу и независимость нашей Родины — Союза Советских Социалистических Республик. Мы клянемся до полного разгрома и уничтожения врага не знать отдыха, не знать покоя, быть в первых рядах самых мужественных, самых храбрых советских моряков. Если ослабнет воля, если подведу товарищей, если трусость проявлю в бою, то пусть презирают меня в веках, пусть покарает меня суровый закон Родины!»

В боевой обстановке эту клятву юнги выполняли безупречно, не жалея ни сил, ни здоровья, ни самой жизни. Многие из них, участвовавшие в боевых операциях по разгрому фашистских захватчиков и японских милитаристов, за проявленные высокое боевое мастерство, отвагу и мужество были удостоены высоких наград.

А после войны, когда большинство личного состава флотов и флотилий, отслужив установленный законом срок службы, уволилось в запас, юнги стали высококвалифицированными специалистами боевых постов — мичманами, главными старшинами и старшинами, командовали отделениями и группами. В ходе службы они передавали опыт молодому пополнению и готовили себе замену.

К сожалению, не все юнги 1942 года вернулись в свои родные края. На некоторых пришли похоронки, многие подорвали здоровье и мало лет прожили в мирной жизни, за которую они сражались на фронте.

Как память о флотской молодости живет
стихотворение:

Есть острова на севере России,
Зовет нас память в те места опять,
Где добровольцами мы в дни лихие
На Соловках учились воевать.

Шинели не по росту мы носили,
Невзгоды все делили наравне.

Нас командиры мужеству учили,
Морское братство крепко на войне.

Нам довелось дорог пройти немало,
Поля, где мины смерть несли с собой,
И в трудный час всегда нас вдохновляла
Любовь к отчизне, к партии родной.

Поныне поименно помним свято
Друзей любимых, сверстников своих,
Кто в битвах отдал жизнь свою когда-то
За счастье всех, оставшихся в живых.

Есть острова на севере России,
Зовет нас память в те места опять,
Где добровольцами мы в дни лихие
На Соловках учились воевать.

Некоторые юнги после войны закончили военные училища и продолжали службу в рядах Вооруженных Сил: капитан 3 ранга А. В. Ежов, майор И. М. Ящук, майор И. М. Завгородний, майор В. П. Кирсанов и другие. Большинство демобилизовались в 1950 году и много лет трудились в народном хозяйстве, добились общественного признания. Старшим инженером по проектированию предприятий нефтеперерабатывающей и нефтехимической промышленности работал Г. Н. Коновалов, ему присвоено почетное звание «Заслуженный энер-

гетик Башкирии»; Г. Н. Матюшин — старшим научным сотрудником Института археологии Академии наук СССР; Г. Н. Таращук — главным инженером проектно-технического бюро «Башавтотранса», Н. И. Кочуров, — главным инженером «Башкирэнерго», Ю. Г. Смирнов — директором средней школы города Благовещенска.

Бывшие юнги создали совет ветеранов, председателем которого много лет был И. М. Ящук. Совет проводит большую воспитательную работу среди молодежи, организует выступления ветеранов по радио и телевидению, активно сотрудничает с организациями ДОСААФ, ОСВОД и другими. Совет собрал и обобщил материал, освещающий путь юнг набора 1942 года. Кроме автора этой книги активно участвовали майор запаса И. М. Ящук; заведующая учебной частью школы № 106, где оформлен и активно работает школьный музей юнг, З. Е. Котова; капитан-лейтенант запаса Г. Н. Коновалов; инвалид войны, матрос запаса Г. В. Бриллиантов и другие.

Пример патриотического порыва юнг военной поры остался славной страницей в истории Ленинского комсомола, всей советской молодежи. Именно поэтому у юнг 1942 года всюду есть последователи, в том числе в Уфе, Стерлитамаке, Белебее и других городах и селах Башкирии.

В Уфе уже более 20 лет работает клуб юных моряков имени контр-адмирала М. И. Бакаева. Во многих школах республики немало мальчишек и девчонок, которые в свободное от уроков время изучают морское дело, а в торжественные дни надевают морскую форму.

В боевом строю Военно-Морского Флота СССР есть боевой противолодочный корабль имени комсомола Башкирии, где и сейчас служат наши земляки. Многим из них дали путевку во флотскую жизнь бывшие юнги.

Нынешние школьники, слушая рассказы ветеранов, порой выражают сожаление, что боевое время миновало и им предстоит простая будничная служба. Нет, дорогие наши наследники, вы не опоздали родиться! И в мирные дни в жизни всегда есть место подвигу. Вокруг бурлит наша замечательная советская действительность. Надо быть достойными ее, надо уверенно шагать по жизни, и тогда ни романтика, ни подвиги не обойдут вас!

НЕ ЗАБЫТЬ БОЕВЫЕ ПОХОДЫ

Эскадренный миноносец «Урицкий», разрезая крутые волны Баренцева моря, шел к берегам Новой Земли. Здесь, в губе Белушья, в 1942 году была создана военно-морская база Северного флота, которая стала самой северной точкой фронта Великой Отечественной войны. Для корабля это был очередной рейс. Но на этот раз в составе команды был новичок — юнга Геннадий Коновалов. Правда, на корабле его никто юнгой не называл. Командир «Урицкого» капитан-лейтенант Г. П. Васильев, представляя его команде, сказал:

— К нам прибыл для прохождения службы артиллерийский электрик, окончивший школу юнг Военно-Морского Флота на «отлично». Наша задача — помочь новичку стать классным специалистом, настоящим боевым моряком.

С этого и началась служба Геннадия Коновалова со всеми на равных: в походах, в учебе, в работе, в бою.

На эскадренном миноносце Коновалов принял боевой пост, где находился ночной визир, телефонные аппараты и другие приборы. В его

обязанности входило следить за горизонтом и обо всем замеченном докладывать командиру.

В свободное от вахты время Геннадий Коновалов старательно изучал историю корабля. Оказалось, что эскадренный миноносец при спуске на воду в 1914 году был назван «Забияка», активно участвовал в революционных событиях 1917 года. Когда в бурные Октябрьские дни Военно-революционный комитет потребовал от председателя Центробалта помощи, П. Е. Дыбенко отправил из Гельсингфорса (сейчас Хельсинки) в Петроград отряд кораблей во главе с «Забиякой». Перед штурмом Зимнего «Забияка» вместе с крейсером «Аврора» вошел в Неву и по указанию Военно-революционного комитета занял место рядом с крейсером в готовности нанести удар по Зимнему. Но после выстрела «Авроры» солдаты, матросы и красногвардейские отряды рабочих штурмом овладели дворцом, и надобность в артиллерийском ударе отпала.

«Забияка» несколько дней находился в Петрограде. Его команда очищала особняки столичной знати от белогвардейцев, полиции и других контрреволюционеров, участвовала в разгроме войск Керенского в районе Пулковских высот и Гатчины. В 1926—1928 годах эсминец был капитально отремонтирован, укомплектован личным составом и с новым именем «Урицкий» вошел в строй боевых кораблей. Команда с честью хранила и приумножала революционные и боевые традиции корабля. В 1933 году «Урицкий» перешел в состав Северного флота и в годы Великой Отечественной войны сражался с фашистскими захватчиками на просторах Баренцева и Карского морей.

В Баренцевом море активно действовали авиация, надводные корабли и подводные лодки противника. Вот и на этот раз, пока добрались до военно-морской базы на Новой Земле, трижды отбивали налеты авиации, два раза уклонялись от атак подводной лодки. На обратном пути столкновения с подводными лодками и авиацией противника повторились. Геннадий Коновалов уверенно и инициативно выполнял свои обязанности. На его боевом посту все приборы работали безупречно. Это помогало своевременно обнаружить противника и подготовиться к отражению атаки или первым нанести удар по фашистам.

В ноябре 1943 года «Урицкий» сопровождал возвращающиеся в Архангельск ледоколы «Ленин» и «Микоян». Полярная ночь уже вступила в свои права. Карское море штормило, шел мокрый снег, видимость была нулевой, корабли ориентировались только по приборам. И вот в этих сложных метеорологических условиях севернее мыса Канин Нос ледокол «Микоян» наскочил на блуждающую мину. Раздался мощный взрыв, высоко в небо взметнулся огромный столб огня и воды. По счастливой случайности мина взорвалась уже за кормой и большого вреда не причинила — пострадали только рулевое управление и один винт. Команды эсминца и ледокола решили устранить повреждения своими силами.

На эсминце была создана ремонтная бригада, в которую вошел и Геннадий Коновалов. На шлюпке они перебрались на «Микоян» и приступили к работе. Водолазы в ледяной воде устраняли повреждения руля и винта. Коновалов находился в шлюпке и поддерживал связь

с водолазами. Шесть часов в условиях полярной ночи, на обжигающем ветру и морозе трудились две бригады, меняя друг друга через каждый час работы. Коченели руки и ноги, мокрая одежда превращалась в панцирь, но, сознавая, что «Микоян» нужен для проводки транспортов с грузом для фронта, люди работали, не считаясь с трудностями и усталостью. Настойчивость и мужество, проявленные моряками при выполнении ремонтных работ в море, победили. «Микоян» в Архангельск прибыл своим ходом.

В начале 1944 года «Урицкий» вместе с другими кораблями флота неоднократно выходил к берегам Норвегии для нанесения ударов по транспортам противника, доставлявшим военные грузы своим войскам. 18 февраля при входе в Варангер-фьорд отряд советских кораблей неожиданно столкнулся с большим караваном противника. Четыре транспорта, груженные вооружением, боеприпасами и другой боевой техникой, шли в охранении восьми боевых кораблей. При входе в залив корабли охранения сбавили ход, пропуская в бухту транспорты. Именно в это время наши корабли вышли из-за мыса восточного берега фьорда и открыли огонь. «Урицкий» нанес удар по головному транспорту. После прямых попаданий тот загорелся и стал кормой погружаться в воду. Потом раздался мощный взрыв, в воздух взлетели обломки транспорта и его груза.

Коновалов работал на ночном визире. Его глаза слились с окулярами. Он быстро замечал и с достоверной точностью определял события, происходившие в фьорде. Казалось, что в этом адском котле, где от разрывов сотен снарядов

все кипело, невозможно разобрать, кто в кого стреляет. А Коновалов успевал по каким-то особым, только ему понятным признакам различать, куда попадают снаряды артиллеристов «Урицкого». Он четко докладывал о результатах стрельбы и действиях противника. Когда Геннадий доложил, что последний немецкий транспорт, окутанный дымом, выбросился на прибрежные камни, на «Урицком» был получен приказ о выходе из Варангер-фьорда. Но теперь выполнить эту команду было не так-то просто. Все немецкие корабли охранения сосредоточились у входа в фьорд и преградили путь отхода советским кораблям. Против четырех наших выросла линия из восьми кораблей противника.

В эту сложную обстановку вмещались две береговые батареи противника. Но немецкие артиллеристы, видимо, не разобрались, по каким целям следует наносить удары. Их снаряды летели через наши корабли и рвались в расположении фашистского конвоя. Советские корабли тоже сосредоточили весь огонь по немецким кораблям. Особенно досталось двум сторожевикам, которые защищали фарватер около восточного берега фьорда. Получив несколько прямых попаданий, сторожевики вышли из боя. Советские корабли, нанося удары по противнику, прорвались через завесу огня береговых батарей и вышли из фьорда.

«Урицкий» прикрывал отход наших кораблей. Он получил несколько прямых попаданий, появились убитые и раненые, но благополучно вернулся в базу.

В летние месяцы «Урицкий» огнем своих орудий помогал защитникам военно-морских баз

флота отбивать атаки противника, участвовал в сопровождении караванов союзников, охранял суда на внутренних морских сообщениях. Каждый рейс проходил в жестоких схватках с надводными кораблями и подводными лодками, с авиацией и береговыми батареями противника. Это были огненные мили в суровых условиях Заполярья, где отважные патриоты мужественно защищали свою Родину.

Во всех боевых походах эскадренного миноносца Геннадий Коновалов был на боевом посту. Он зорко следил за горизонтом, работал на приборах центрального поста как артиллерийский электрик, иногда замещал выбывших из строя товарищей у артиллерийских орудий.

8-го сентября 1944 года «Урицкий» возвращался в базу. В воздухе появились немецкие самолеты. Эсминец смело вступил в бой с ними. Геннадий Коновалов на этот раз работал в расчете зенитного орудия. Плотный огонь не давал фашистским стервятникам прицельно сбрасывать бомбы. Но одна все же разорвалась на палубе. Коновалов получил осколочное ранение левой ноги, но остался на боевом посту и продолжал работу у орудия. За этот боевой подвиг Г. Н. Коновалов был награжден медалью «За отвагу».

Ранение оказалось серьезным, и матроса отправили на лечение в госпиталь. Выздоровление затянулось. Когда Г. Н. Коновалов выпи­сался из госпиталя, война на Северном флоте уже кончилась, и его направили для прохождения дальнейшей службы на Тихоокеанский флот. В штабе флота опытного моряка назначили на эскадренный миноносец «Ревностный» артиллерийским электриком. Корабль стоял в

Военной гавани Владивостокского порта, и новичку не составило труда добраться до своего места службы. После знакомства с кораблем и беседы с командиром старшина 1-й статьи Коновалов принял под свое заведование центральный автомат стрельбы.

Как только залив Петра Великого очистился ото льда, «Ревностный» вышел в море. Геннадий Коновалов привык к суровым условиям и просторам морей Северного Ледовитого океана. Но Тихий океан и его удивил необозримостью водного пространства, спокойным нравом и неопишуемой красотой. К сожалению, артиллерийскому электрику некогда было любоваться прелестями моря. Артиллеристы корабля отрабатывали ведение огня по воздушным, морским и наземным целям. А центральный автомат стрельбы является основным постом, который вырабатывает все данные для стрельбы. Поэтому старшина 1-й статьи Коновалов внимательно работал на приборах и помогал товарищам.

В этом походе командир артиллерийской боевой части особое внимание уделял отработке взаимодействия всех постов при стрельбе по наземным целям. Тихоокеанцы готовились к войне с последним агрессором — милитаристской Японией.

Девятого августа 1945 года начались боевые действия. 11 августа корабли высадили части морской пехоты на восточном побережье Кореи в районе населенных пунктов Юки и Расин. В составе десанта находилась группа корректировки огня во главе с Г. Н. Коноваловым.

Корректировщики развернули свой пост на прибрежной сопке и установили связь с кораб-

лями поддержки десанта. Японцы на подступах к Юки и Расин создали сильно укрепленные полосы. Морские пехотинцы, встретив упорное сопротивление противника, залегли. В это время на помощь десантникам пришел корректировочный пост. Точно определив направление стрельбы, расстояние до цели, он передал данные на корабли поддержки. Первые залпы легли перелетом. Геннадий и его товарищи очень волновались, ожидая падения снарядов этого залпа. Ведь допустили они малейшую ошибку в расчетах, снаряды могли попасть в расположение десанта, так как морские пехотинцы очень близко находились от передней линии обороны противника. Но когда стало известно о разрывах снарядов первого залпа, Коновалов быстро определил необходимые поправки по боковому отклонению и по дальности, радист передал данные на корабли, и следующие залпы ложились точно в цель, уничтожая огневые точки и живую силу самураев.

Получив хорошую огневую поддержку кораблей, морские пехотинцы поднялись и смяли противника. Но в ходе боя в населенных пунктах и на окраинах Геннадий Коновалов еще несколько раз вызывал огонь кораблей для уничтожения отдельных узлов сопротивления и разрушения железобетонных укреплений противника. Потом отделение Коновалова присоединилось к десантным частям и участвовало в освобождении города Юки. Утром следующего дня десантники сражались уже на подступах к городу Расин. В первых рядах атакующих цепей пехотинцев сражалось и отделение Коновалова. Вечером город Расин был полностью очищен от японских самураев.

В последующие дни августа упорные бои развернулись за города Сейсин и Ганзан, окруженные кольцом дотов и дзотов, противотанковых и противопехотных укреплений. Но моряки Тихоокеанского флота мощными ударами корабельной артиллерии и высадкой десанта сломили сопротивление врага. 14 августа был взят город Сейсин, а 25 числа освобожден Ганзан. Корейское население радостно встречало своих освободителей. Часто встречи превращались в бурные митинги и демонстрации.

Боевая деятельность старшины 1-й статьи Коновалова была по достоинству оценена командованием. Его назначили на должность старшины группы управления, в которую входили дальномерщики, визирщики, артиллерийские электрики и агрегатчики. Г. Н. Коновалов умело и настойчиво готовил своих подчиненных к боевым действиям.

После войны у моряков спокойные дни наступили не сразу. Многие корабли ремонтировались, залечивали раны, нанесенные войной. Тральщики очищали воды от мин. Пограничники несли вахту на морских рубежах. Словом, еще долго жизнь проходила по боевому расписанию. Старшина 1-й статьи Геннадий Коновалов продолжал службу на эскадренном миноносце «Ревностный».

Шел февраль 1946 года. Стояла скверная погода. В океане уже несколько дней бушевал ураган. «Ревностный» был дежурным кораблем. Ночью радист принял сигнал «SOS», а следом поступило распоряжение командующего флотом: эсминцу выйти в море на поиски терпящего бедствие нашего теплохода «Кама». С командного пункта флота передали предвари-

тельные координаты «Камы» и просили поторопиться с выходом. Вахтенный офицер объявил боевую тревогу, ледокол вывел эсминец из бухты Золотой Рог. Благополучно миновали Сангарский пролив. Но открытый океан встретил одинокий корабль яростной атакой ветра и воды. Советские моряки заблаговременно закрепили все предметы на верхней палубе по-штурмовому, задраили люки, приготовились к решительной схватке с океаном. Поиск «Камы» осложнялся тем, что с теплоходом прекратилась всякая связь. Даже сигнал бедствия «Кама» больше не посылала в эфир. Имея координаты вчерашнего дня, штурман «Ревностного» рассчитал, учитывая скорость и направление дрейфа, где сегодня может быть «Кама». Командир корабля приказал строже держать расчетный курс.

Прошли сутки. Давно исчезли за горизонтом берега Японии и островов. Кругом был только бурлящий океан. А теплохода пока не встретили. Штурман сделал новые расчеты, и поиски «Камы» продолжались. На следующий день ситуация не изменилась: ураган бушевал, «Камы» не видно. Только на пятые сутки с «Ревностного» заметили вдали какой-то предмет. Он то погружался в воду, то его поднимало на гребне очередной волны. Это и был терпящий бедствие теплоход.

Первые посланцы, вернувшиеся на «Ревностный», привезли горькую весть. Команда теплохода на Камчатке погрузила в трюмы большое количество ценной пушнины. Так как груз имел весьма незначительный вес, то для устойчивости судна на дно трюмов погрузили балласт — чугунные болванки. В Петропавлов-

ске «Кама» приняла на борт 350 пассажиров, среди которых были женщины и дети. Метеорологи предсказывали хорошую погоду, и портовики, надеясь на спокойный рейс теплохода, балласт в трюмах не закрепили. Однако сборы с отправкой теплохода затянулись, и, когда, наконец, «Кама» вышла в рейс, прогноз погоды уже не соответствовал дням предстоящего перехода. В океане теплоход попал в жестокий шторм, который через несколько часов превратился в ураган. Волной теплоход сильно качало, балласт в трюмах сместился, судно получило большой крен на левый борт, люди и ценный груз оказались на грани гибели. Команда «Камы» задраила люки, пыталась затоплением отдельных отсеков противоположного борта выровнять или хотя бы уменьшить крен, но все безрезультатно. Судно лишилось хода, люди остались без пищи и воды, намокли аккумуляторы и прекратилась связь с землей.

Океан по-прежнему бушевал. Самым лучшим было взять теплоход на буксир и доставить в ближайший порт. Для этого на эсминце создали спасательную команду, в которую вошло и отделение старшины 1-й статьи Коновалова.

Часть людей с эсминца перебралась на «Каму». В ход пошли все тросы. С трудом удалось завести конец на «Каму». Но когда «Ревностный» давал ход, стальные тросы рвались, как нитки. Тросы сращивали, скручивали по дватри, но и они не выдерживали яростного натиска океана. Тогда команда эсминца решила снять с теплохода пассажиров. На воду спустили шлюпки, и группа моряков под командованием Коновалова отправилась на «Каму».

Каждое мгновение океан угрожал поглотить смельчаков, но они настойчиво пробивались к цели. Пассажиры были спасены. Из Владивостока за теплоходом пришел мощный буксир «Добрыня Никитич», команда «Ревностного» помогла ему взять «Кама» на буксир, и советские суда взяли курс к берегам Родины.

За спасение людей, ценного груза и теплохода «Кама» и проявленные в борьбе с океанской стихией отвагу и мужество Советское правительство объявило личному составу эскадренного миноносца «Ревностный» благодарность.

После службы Г. Н. Коновалов много лет проработал на должности главного специалиста института по проектированию предприятий нефтеперерабатывающей и нефтехимической промышленности. Он удостоен многих наград: ордена Отечественной войны 1-й степени, ордена Октябрьской Революции, ордена Трудового Красного Знамени и 16-и медалей. Ему присвоено воинское звание капитан-лейтенант-инженер, почетное звание «Заслуженный энергетик Башкирской АССР».

ОТВАЖНЫЙ БОЦМАН

После окончания школы юнг Узбек Идрисов получил направление на должность ученика боцмана на новый тральщик, который стоял в Архангельском порту. Вахтенный офицер, проверив документы, направил новичка к командиру корабля.

Командир внимательно прочитал все документы и особое внимание обратил на свидетельство, в котором по всем предметам стояли толь-

ко отличные оценки — это подтверждалось и надписью: «Выпущен по первому разряду».

— Ну что ж, перворазрядник, — проговорил командир, — надеюсь, что похвальное свидетельство будет подтверждено практическими делами.

— Буду стараться, товарищ капитан третьего ранга! — ответил Идрисов.

Пока корабль стоял в порту, личный состав днем и ночью готовился к предстоящей боевой операции. Дублеру боцмана пришлось осваивать специальность артиллериста, пулеметчика, по пожарной тревоге работать с огнетушителем, в борьбе за живучесть корабля он тренировался на заделке условной пробоины. Когда командир осведомился о действиях новичка, боцман с похвалой отозвался о нем:

— Хорошо подготовлен, — сказал боцман. — В бою я буду спокоен за свою смену.

В эти осенние дни 1943 года Северным морским путем на ледоколе «И. Сталин» в сопровождении ледореза «Ф. Литке» переправлялся ценный груз. Но путь следования этого каравана и ценность груза стали известны немецкому командованию, и оно для уничтожения кораблей отрядило значительные силы авиации, подводного и надводного флота.

Советские ледоколы находились уже в Карском море, когда командование Северного флота получило приказ о принятии необходимых мер для их охраны. В Карское море немедленно вылетели наши самолеты, вышли боевые корабли, в том числе и тральщик, на котором начал службу юнга Идрисов.

Караван ледоколов, хотя и с трудом — радиосвязью можно было пользоваться очень ог-

раниченно и только в крайних случаях — был обнаружен. Корабли охранения прикрыли их, тральщики приступили к тралению фарватера.

Скоро вблизи ледоколов были обнаружены вражеские подводные лодки. А это было крайне опасно. Командование Северного флота вынуждено было изменить курс движения. Вместо пролива Маточкин шар они пошли по проливу Карские ворота. Здесь и сосредоточились наши корабли охранения. А немецкие подводные лодки, надводные корабли и самолеты еще долго дежурили у проливов Маточкин шар и Югорский шар.

Только на выходе в Баренцево море гитлеровцы засекали истинный курс наших ледоколов. Вся лавина фашистских самолетов, кораблей и подводных лодок ринулась в атаку. Но к этому времени наши корабли успели поставить надежный заслон, сквозь который даже подводные лодки не смогли пробиться. А мины, сброшенные с самолетов на фарватер, по которому шли ледокол «И. Сталин» и ледорез «Ф. Литке», были уничтожены тральщиками. В этом бою наши корабли потопили и повредили несколько немецких подводных лодок. Конечно, и наши корабли имели повреждения. Но груз ледокола «И. Сталин» был доставлен в порт назначения.

После службы на тральщике Идрисова направили боцманом на торпедный катер. Едва Узбек успел ознакомиться с обязанностями на новом корабле, как катер получил боевое задание и вышел в море. Самолеты-разведчики обнаружили караван вражеских транспортов с грузом руды и передали его координаты нашим торпедным катерам, которые обрушились на

фашистов. Два транспорта, подбитые выпущенными торпедами, быстро затонули, но в это время на месте боя появились немецкие самолеты. Открыли огонь по нашим катерам и береговые батареи. Море закипело от разрывов. Идрисов получил осколочное ранение левой руки. Но, преодолевая боль, он продолжал вести огонь из пулемета.

Оставшиеся немецкие транспорты и корабли сопровождения укрылись в бухтах Варангер-фьорда. Наши торпедные катера тоже не стали возвращаться в базу. Они укрылись в бухте острова Рыбачий. Море штормило. Появились снежные заряды. Видимость падала до нуля. Немцы решили воспользоваться штормом и снегопадом, вышли в море. Но командир группы торпедных катеров Герой Советского Союза капитан третьего ранга Алексеев зорко следил за поведением противника. На рассвете от головного дозора поступил сигнал боевой тревоги. Все катера отряда Алексеева вышли в море и быстро сблизились с вражеским караваном. Пользуясь тем, что ветер дул в сторону противника, наши катера поставили плотную дымзавесу. Фашисты лишились видимости. Береговые батареи опять открыли огонь, но наши катера уже наносили торпедные удары по транспортам и кораблям охранения противника. Бой разгорелся. Враг, зажатый в заливе, отбивался всеми силами. Узбек Идрисов получил новые осколочные ранения в спину и ногу, но опять остался на боевом посту. В один наш торпедный катер попал снаряд береговой батареи, и его разнесло на куски. Команда погибла.

Бой кончился нашей победой. Два немецких транспорта выбросились на берег и загорелись.

Торпедные катера вернулись в Полярный с победой.

В последующие дни 1944 года катера несколько раз выходили на боевые задания и всегда успешно их выполняли. Идрисов, хотя и имел освобождение по ранению, не пропустил ни одной боевой операции.

В октябре 1944 года части 14-й армии и две бригады морской пехоты с островов Рыбачий и Средний проводили операцию по освобождению приморской территории в районах Печенга и Киркенес. Торпедные катера флота высаживали десантные отряды в приморские населенные пункты. Под Киркенесом при подходе к берегу в катер, где служил Идрисов, попал снаряд, но боцман умело довел судно до мели и обеспечил высадку десанта.

Осенью 1944 года по приказу Советского командования группа торпедных катеров была перебазирована с Северного флота в состав Краснознаменного Балтийского флота, в том числе и катер боцмана Узбека Идрисова. Переход в боевой обстановке был очень сложным и трудным. Шли по Беломорско-Балтийскому каналу, Онежскому и Ладожскому озерам. За время перехода моряки несколько раз вступали в бой с авиацией противника, с диверсионными немецкими и финскими группами. Осенний штормовой ветер, часто с дождем и снегом затруднял движение по озерам и каналам. Но настойчивость моряков преодолела все препятствия.

На ремонтные работы после трудного перехода не оставалось времени. Гитлеровцы, разгромленные под Ленинградом и на островах Финского залива, стремились закрепиться в

Прибалтике. Поэтому надо было наращивать удары на суше и добивать фашистов на море.

Уже через несколько дней первое звено североморских катеров вместе с балтийцами вышло на боевое задание. Боцман Идрисов первым обнаружил в Нарвском заливе караван немецких транспортов, которые перевозили подкрепление. Двумя торпедами катер уничтожил головной транспорт. Подошедшие другие катера добились остальных судов гитлеровского каравана. Не удалось гитлеровцам убежать и с Тютерса, Гогланда, Моонзунда и других островов. Последние боевые операции торпедных катеров прошли возле датского острова Борнхольм, который был освобожден нашими войсками уже после 9 мая 1945 года. В этих боях опять отличился боцман торпедного катера Узбек Идрисов.

За высокое боевое мастерство и проявленные отвагу и мужество матрос Идрисов был награжден орденом Отечественной войны первой степени, двумя орденами Красной Звезды, медалью «За отвагу» и другими медалями. В 1950 году он уволился из рядов Военно-Морского Флота, вернулся в Уфу и работал на разных предприятиях. В 1981 году Узбек Арсланович скончался.

КОМСОМОЛЬСКИЙ ВОЖАК

Радист Алексей Андрианов закончил школу юнг на «отлично», и ему первому вручили свидетельство о выпуске из школы по первому разряду. От выбора флота он отказался, а попросил быстрее направить его на корабль. И вот он в Полярном. Среди стоящих у пирса

тральщиков он без труда нашел БТЩ-117 и доложил командиру о прибытии для прохождения дальнейшей службы, а вечером уже заступил вместе с командиром отделения радистов на вахту.

Радиорубка на тральщиках тесная, и командир отделения уступил место у аппаратуры новичку, а сам со стороны присматривался к стилю его работы. Через два дня командир отделения доложил командиру корабля, что радист Андрианов по теоретической и практической работе подготовлен хорошо и может быть допущен к самостоятельному несению радиовахты.

Как-то вечером из штаба флота сообщили в бригаду тральщиков, что, по полученным сведениям, в Варангер-фьорд прибыл караван немецких транспортов под охраной боевых кораблей. Все поняли, что это очередной рейс немецких судов за норвежской рудой. За сообщением последовало соответствующее приказание...

Бригада тральщиков вышла из Полярного и взяла курс к северным берегам Норвегии. Когда миновали полуостров Рыбачий, тральщики рассредоточились, отыскивая себе местечко, где можно получше укрыться, чтобы потом внезапно атаковать противника. БТЩ-117 приблизился к острову Хайня-Сари, отыскал бухту с крутыми берегами и укрылся на отдых. Только радист тщательно прослушивал эфир.

В Варангер-фьорд вошли наши крупные корабли и подводные лодки, поджидая выхода вражеского каравана. Когда улучшалась видимость, в воздухе появлялись наши самолеты-разведчики.

Вскоре радист Андрианов доложил командиру тральщика, что слышит радиопереговоры приближающихся к острову судов противника. Сообщение передали в штаб флота и стали ждать приближения кораблей противника. Минут через 30—40 из Варангер-фьорда вышли немецкие транспорты под охраной четырех сторожевых кораблей. Видимо, фашисты проскользнули мимо наших подводных лодок и эскадренных миноносцев вдоль самого берега.

К острову Хайня-Сари приблизился немецкий сторожевой корабль и, не обнаружив замаскированный БТЩ-117, передал сигнал приближения к острову всего конвоя.

Радист Алексей Андрианов усиленно просил помощи у штаба флота, но небо оставалось затянутым облаками, и самолетов из Полярного не было видно. Тогда командир тральщика выбрал удобный момент и нанес внезапный удар по головному кораблю противника, который поспешил спастись бегством. Но три других боевых корабля да два вооруженных транспорта зажали в узком заливе острова одинокий БТЩ-117. Их огонь становился губительным. Туго бы пришлось нашему экипажу, если бы в это время не появились вызванные все-таки радистом Андриановым краснозвездные самолеты и два эскадренных миноносца.

Немецкие корабли охранения втянулись в узкий залив острова Хайня-Сари, и здесь их накрыли наши корабли. А оставшиеся без охраны два немецких транспорта стали легкой добычей наших торпедных катеров. Когда вернулись в Полярный, командир БТЩ-117 сделал тщательный разбор боевого выхода на задание, некоторым матросам и старшинам сделал серь-

езные замечания, многих похвалил за умелые и смелые действия, а радисту А. С. Андрианову за четкую работу и проявленную инициативу по вызову самолетов и кораблей объявил благодарность.

Вечером того же дня на тральщике прошло комсомольское собрание, на котором подвели итог боевого выхода и ввиду ранения комсорга корабля вожаком избрали А. С. Андрианова. Алексей горячо взялся за улучшение комсомольской работы на корабле. Главное внимание он уделял передовой роли каждого комсомольца в выполнении боевых задач. Именно об этом была напечатана его статья в бригадной газете.

19 октября 1943 года командир БТЩ-117 вернулся на корабль весьма озабоченным: вся бригада тральщиков идет к острову Новая Земля, чтобы встретить и сопроводить в Архангельск ледокол «И. Сталин» и ледорез «Ф. Литке». В операции кроме бригады тральщиков будут участвовать торпедные катера, эскадренные миноносцы и авиация.

Вечером бригада тральщиков вышла из Полярного и взяла курс на остров Новая Земля. Баренцево море, как всегда, штормило, налетали снежные заряды, местами встречались ледовые поля. Но моряки Северного флота на трудности не жаловались. Все торопились к месту назначения.

Суть дела состояла в том, что 22 октября 1943 года в 8 часов утра ледокол «И. Сталин» и ледорез «Ф. Литке» вышли из бухты Тикси, что в море Лаптевых, и взяли курс на запад. В их трюмах был весьма ценный груз. Ледоколы успешно миновали устье реки Лена, по-

дошли к острову Бегичева, где зимовщики сообщили, что их переход и даже курс движения широко известны. А руководители перехода рассчитывали на секретность рейса. Именно поэтому было дано приказание командованию Северного флота и Беломорской флотилии, чтобы встретить ледокольные суда и принять меры по их охране и доставке груза по назначению.

Опасения вскоре подтвердились. Гитлеровские подводные лодки, надводные корабли и самолеты вышли навстречу каравану ледоколов в Баренцево море и патрулировали вдоль Новой Земли, блокируя проливы Югорский шар и Маточкин шар. Видимо, враг получил сведения о ценности грузов на ледоколах.

Но советский караван, обманув фашистское командование, 14 февраля вышел в Баренцево море проливом Карские ворота, где его уже ждал отряд охранения кораблей Северного флота.

С этого времени ледоколы шли под охраной шести эскадренных миноносцев, шести тральщиков, нескольких торпедных катеров и других кораблей. Фашисты, осознав свою ошибку, ринулись всеми силами на конвой. Уже на другой день после встречи акустики отряда уловили шум винтов подводной лодки противника. На кораблях охранения объявили боевую тревогу. Разрывы сброшенных глубинных бомб взметнули фонтаны воды, и фашистская субмарина не посмела приблизиться.

16 ноября ледокол «И. Сталин», ледорез «Ф. Литке» и сопровождающие их корабли миновали мыс Канин нос. Здесь корабли охранения образовали плотную зону прикрытия со стороны Баренцева моря. Но шесть вражеских

подводных лодок разом бросились сквозь цепь кораблей, чтобы прорваться к ледоколу и ледорезу и торпедировать их. Но путь им перерезали наши корабли охранения, находившиеся во второй линии. Завязался бой. Море кипело от взрывов глубинных бомб. Фашистские подводные лодки всплывали и торпедировали наши корабли, пытаясь прорваться к ледоколу и ледорезу.

В этой схватке четыре подводных лодки противника были потоплены, несколько субмарин получили серьезные повреждения. С нашей стороны эсминец «Разумный» получил серьезное повреждение, пострадали и другие корабли. Но 18 ноября конвой в полном составе благополучно прибыл в Северодвинск.

Наши корабли охранения вернулись на свои базы. Матроса Алексея Андрианова в Полярном ждали приятные новости. Приказом командующего флотом за проявленное боевое мастерство, отвагу и мужество он был награжден медалью Ушакова.

Близился разгром фашистов в Заполярье. Советская Армия и флот готовились к решительным боям. БТЩ-117 в трудных условиях снежных бурь и движения льдов часто выходил на траления фарватеров, заливов и тех мест, где предполагалась высадка десанта.

Наступление 14-й армии Карельского фронта во взаимодействии с флотом началось утром 7-го октября 1944 года. В ночь на 10 октября 63-я бригада морской пехоты высадилась в районе мыса Пункаинениеми и мыса Ахиониеми в заливе Маоти-вуоно. БТЩ-117 участвовал в высадке десанта, а потом огнем своих орудий и пулеметов помогал морским пехотинцам прео-

долевать сопротивление противника. В 5 часов утра начали штурм горного хребта Муста-Тунтури части 12-й бригады морской пехоты, и БТЩ-117 поддерживал их правый фланг огнем из района Линахамари.

15 октября наши войска при содействии кораблей флота освободили населенный пункт Петсамо, 25 октября был освобожден город Киркенес, а к 27 октября было очищено от немецких захватчиков все побережье Северной Норвегии. За активное участие в разгроме фашистских захватчиков и проявленные при этом высокое боевое мастерство, отвагу и мужество старшина 2-й статьи Алексей Семенович Андрианов был награжден орденом Красной Звезды.

После войны бывшие юнги стали главными специалистами на кораблях. Они не только сами отлично работали на боевой технике, но и умело готовили себе замену из молодого пополнения. Имел такую группу молодых матросов и старшина 2-й статьи Андрианов. Кроме того, Алексей Семенович с 1943 года был бессменным комсоргом корабля. И потому, когда в 1948 году на флотской комсомольской конференции встал вопрос о посылке делегатов в Москву на празднование 30-летия Советских Вооруженных Сил, А. С. Андрианов был назван в числе первых.

В 1950 году старшина 2-й статьи А. С. Андрианов уволился из рядов Военно-Морского Флота и вернулся в родную Уфу. Здесь он обзавелся семьей и работал на одном из предприятий города. Но в 1967 году смерть оборвала жизнь этого замечательного человека.

В школе на Соловецких островах юнга Генри Таращук освоил морскую специальность боцмана и был направлен для прохождения дальнейшей службы в Краснознаменную бригаду торпедных катеров Северного флота. В бригаде юнгу определили дублером к опытному и вместе с тем требовательному боцману Николаю Губину. Катер в те дни находился в базе, и Губин настойчиво учил молодого матроса. С первых же дней ему довелось участвовать в боевых действиях — отражать налеты немецкой авиации, вести борьбу с минной опасностью.

Торпедный катер готовился к боевой операции по постановке мин. В это время Таращук получил извещение о гибели отца на фронте. Удар был очень сильным, и молодой моряк едва держался на ногах, в его действиях нарушалась последовательность, появились медлительность и забывчивость. Утешения товарищей не помогали. Командир катера хотел было освободить Таращука от выхода на операцию, но отказался — это могло ухудшить и без того тяжелое моральное состояние матроса.

При выходе катера на боевое задание Таращук включился в работу, и всем показалось, что найдено хорошее «лекарство» и потрясение, связанное с гибелью отца, пройдет само собой.

Чтобы перекрыть фарватер у острова Варде, где вражеские суда шли в Варангер-фьорд и обратно, наши корабли ставили мины. Катер, на котором служил Таращук, уже поставил три мины и подготовил к сбрасыванию четвер-

тую. Но в тот момент, когда мина слетела с барабана, тросом она зацепила Таращука за ногу, и он оказался за бортом. Катер продолжал двигаться своим курсом, а мина потянула матроса на глубину. Глотая горько-соленую воду, он старался высвободить ногу, но это ему не удавалось. Его спасли сапоги большого размера, которые юнгам выдавали, не спрашивая размера. Из просторного сапога нога выскользнула, а спасательный жилет поднял Таращука на поверхность.

Командир корабля, зорко следивший за постановкой мин, уже заметил падение матроса за борт и развернул катер на обратный курс. Руки товарищей быстро подняли Таращука на палубу, и он снова приступил к исполнению своих обязанностей.

Весной 1944 года торпедный катер, на котором служил Генри Таращук, участвовал в нескольких боевых операциях. Однажды катер, находясь далеко от базы, попал в шторм. Командир решил укрыться в незнакомой бухте норвежского берега. Но когда буря немного стихла и видимость улучшилась, моряки увидели, что неподалеку, тоже спасаясь от шторма, стоят транспортные суда противника. Командир торпедного катера быстро сориентировался и выпустил по ним все торпеды. Три фашистских транспорта, объятые пламенем, пошли ко дну. Пользуясь суматохой, катер выскочил из бухты и благополучно вернулся в свою базу.

В августе 1944 года матроса Г. Н. Таращука перевели на торпедный катер № 13 (ТК-13) на должность боцмана. Это был один из лучших катеров бригады, он имел на боевом счету

уже 13 потопленных судов врага. Вскоре на рубке катера появилась еще одна звезда.

В тот раз катер находился в дозоре. Погода стояла пасмурная, моросил мелкий дождь. ТК-13 обследовал заданный ему район и обнаружил караван транспортных судов противника, идущий под усиленной охраной боевых кораблей и самолетов. Радист с ТК-13 передал данные о немецком караване, и наши самолеты не замедлили нанести крупный удар, от которого пострадали транспортные суда, а корабли охранения поспешили укрыться. Один немецкий сторожевой корабль решил прижаться к ближайшему островку, где уже больше часа замаскировано стоял ТК-13. Только сторожевик приблизился к берегу, как ему в борт с близкого расстояния боцман Таращук выпустил торпеду. Мощный взрыв потряс бухту.

14 сентября 1944 года наша авиаразведка обнаружила движение каких-то судов в Кообхольм-фьорде. Командир бригады торпедных катеров направил туда ТК-13 и ТК-213.

Головным шел ТК-13, и его командир старший лейтенант В. М. Лихоманов был старшим группы катеров. В пять часов утра боцман Таращук, дежуривший у носового пулемета, доложил командиру, что прямо по курсу видны силуэты боевых кораблей и транспортных судов противника. Всего он насчитал 18 единиц.

Старший лейтенант В. М. Лихоманов понимал многократное превосходство противника и мог бы принять осторожное решение: доложить обстановку в штаб флота и ждать подкрепления. Но командир понимал и другое: упущенные минуты могут привести к срыву всей операции. Моряки уже привыкли к ежедневному

ратному труду. И труд этот каждую минуту был сопряжен с риском — со смертью и героизмом, на войне они всегда соседствуют. В эти сложные минуты В. М. Лихоманов принял единственно правильное решение: обстановку в Кообхольм-фьорде доложил в штаб флота, а смелыми действиями двух катеров решил сковать силы противника.

Но тут некоторую неувязку в действиях допустил командир ТК-213. Он без разрешения старшего лейтенанта В. М. Лихоманова ринулся в атаку. Фашисты сосредоточили на нем весь огонь кораблей. Катер получил серьезные повреждения и, прикрывшись дымзавесой, совсем вышел из боя.

ТК-13 действовал более обдуманно и разумно. Маневрируя, умело уклоняясь от снарядов, В. М. Лихоманов провел свой катер к головному транспорту и двумя торпедами потопил его. Но вырваться из вражеского кольца уже было невозможно. Пришлось вести бой, используя два имеющихся крупнокалиберных пулемета. Катер получил несколько попаданий. Многие, в том числе командир, боцман и другие были ранены, но, преодолевая боль, продолжали сражаться. Тарашук был уже вторично ранен, но не выпускал из рук пулемет. Заметив, что командир вторично тяжело ранен, он поспешил к нему на помощь. Но услышал твердую команду: «Боцман, к пулемету, держаться до последнего, о сложности обстановки доложить в штаб флота». Радист передал сообщение, а когда вернулся с ответом, командир уже был мертв. Среди разрывов снарядов, под градом пуль несколько отважных моряков продолжали сражаться и надеялись на подход подкрепле-

ния. Но вот один из вражеских снарядов угодила в среднюю часть катера, всех живых и мертвых взрывом выбросило в море.

Гитлеровцы выловили тех, кто еще подавал какие-то признаки жизни. Таращук то барахтался в своем спасательном жилете, то впадал в забытие. Окончательно он пришел в сознание только в каком-то помещении на берегу. До пояса он был, похоже, в гипсе и закутан тряпками. Рядом стоял человек в белом халате.

Заметив, что к матросу вернулось сознание, этот человек сказал:

— Твоему сердцу можно позавидовать, так как все операции я делал простым ножом, ножницами, обыкновенным молотком и зубилом. Других инструментов и лекарств у меня нет. Вместо гипса я применил цемент, дерево и железо.

Человек в белом халате продолжал пояснять:

— Ты находишься в изоляторе лазарета при лагере военнопленных. Я русский фельдшер, тоже пленный, и по силе возможности оказываю помощь своим. Меня зовут Николаем Ивановичем. Советую тихо и мирно лежать, с вопросами и тем более с просьбами ни к кому, кроме меня, не обращаться.

Так началась для Г. Н. Таращука и других моряков жизнь в плену, в самых невыносимых условиях.

Даже спустя много лет про жизнь в этом лагере Генри Николаевич рассказывает неохотно и болезненно:

— В детстве я слышал рассказы пожилых людей о муках грешников в аду. Это были чу-

довищные нечеловеческие страдания. А вот в фашистских лагерях для пленных муки и страдания попавших туда людей значительно превосходили все измышления об адском быте. Хотя к нам фельдшер относился снисходительно, всячески нас оберегал от допросов и пыток, но лично я жил только надеждой на скорое освобождение. В лагере я пробыл 40 суток, но муками они остались на всю мою оставшуюся жизнь.

В октябре 1944 года наступление советских войск и моряков Северного флота привело к полному разгрому фашистских захватчиков и их союзников на территории Крайнего Севера.

Освобожден был из лагеря и Г. Н. Таращук. Вернувшись на родину, он поправил здоровье и продолжал службу на флоте до 1950 года. За проявленные боевое мастерство, отвагу и мужество он награжден двумя орденами Отечественной войны первой степени и многими медалями.

В память о подвигах, совершенных личным составом торпедного катера ТК-13, в приморском поселке Кувшинка воздвигнут обелиск. В праздничные дни собираются жители поселка и моряки Краснознаменного Северного флота и вспоминают былые походы, смертельные схватки с фашистскими захватчиками, отвагу и мужество советских моряков, не жалевших сил и самой жизни за свободу и независимость любимой Родины.

После увольнения из рядов Военно-Морского Флота Г. Н. Таращук окончил технический институт и много лет работал главным инженером проектно-технического бюро Главбашавтотранса.

Юнга Игорь Малышев в школе освоил специальность боцмана и получил направление для прохождения дальнейшей службы в бригаду торпедных катеров Северного флота.

Игорь Малышев сразу был назначен боцманом торпедного катера № 13. У пирса он нашел свое судно и увидел на боевой рубке пять красных звездочек. Это означало, что личный состав ТК-13 уничтожил пять вражеских кораблей. Молодой моряк задумался: сможет ли он прибавить звезд столь знаменитому кораблю? Ответственность ложится большая — ведь боцман на торпедном катере является заместителем командира катера, ему подчинена команда. В боевом походе боцман всегда в носовой части у крупнокалиберного пулемета. Он первым видит весь горизонт. Заметив противника, он первым открывает огонь по врагу, но и первым получает вражеские пули и осколки снарядов.

«Запомнился первый боевой выход в море группы торпедных катеров под общим командованием командира ТК-13 старшего лейтенанта В. М. Лихоманова, — пишет в своих воспоминаниях И. Н. Малышев. — Сперва мы должны были выйти на боевые позиции к полуострову Рыбачий. Опасную зону удалось проскочить удачно, прикрывшись дымовой завесой. И снаряды фашистских береговых батарей не причинили нам вреда. Несколько дней мы укрывались в заливах полуострова. Вели себя очень тихо, даже моторов не заводили.

Наконец, авиаразведка сообщила, что в порт Петсамо идет большой караван немецких транс-

портов под усиленной охраной боевых кораблей.

Все катера приняли боевую готовность и вышли в море. ТК-13 идет головным. Все матросы и старшины стоят на своих боевых постах. Напряжение с каждой минутой нарастает, и вот уже показались силуэты вражеских кораблей. Наши торпедные катера немедленно легли на боевой курс и с ходу ринулись в атаку. Враг тоже начеку: открыли огонь сторожевики, застрелили пулеметные очереди малых кораблей. Через минуту-другую в бой вступил вражеский миноносец. Вода в Петсамском заливе закипела от разрывов снарядов и пулеметных очередей. Сейчас все решают быстрота и натиск, боевое мастерство и мужество.

Вот вперед вырывается ТК-13 и бьет двумя торпедами фашистский миноносец. В воздух поднимается огромный столб воды, обломки корабля и туча черного дыма. Когда все постепенно осело, наши моряки увидели только корму немецкого корабля, стремительно уходящую в воду.

В этой суматохе ТК-13 оказался рядом с немецким сторожевиком и нанес по врагу удар торпедой. После взрыва фашистский корабль разломился и быстро погрузился в воду.

На кораблях и транспортах противника началась паника. Неожиданность и дерзость атаки ошеломили гитлеровцев. А наши торпедисты в это время шли в решительную атаку. ТК-13 торпедировал двумя торпедами большой фашистский транспорт. Сперва раздался взрыв, и транспорт стал погружаться в пучину моря. И тут один за другим на нем последовали еще несколько более мощных взрывов. Даже ТК-13

вынужден был прекратить атаку и повернуть к выходу из залива. Видимо, немецкий транспорт был нагружен боеприпасами.

ТК-15 тоже торпедировал фашистский танкер, который быстро погрузился в воду.

Нашим торпедным катерам оставаться в море больше было пельзя. Они поставили дымовую завесу и вышли из пролива. Возвращались в базу экипажи в приподнятом настроении. ТК-13 при подходе к причалу дал две очереди, что означало два потопленных вражеских корабля. На другой день на боевой рубке ТК-13 добавились две красные звездочки. А на груди боцмана И. Н. Малышева вскоре засверкала медаль «За отвагу».

Еще много раз выходили торпедные катера на выполнение боевых заданий и чаще всего возвращались с победой.

К осени 1944 года Петсамо, другие советские населенные пункты, даже территория северной Норвегии и город Киркенес были освобождены от фашистских оккупантов.

Часть моряков-североморцев, в том числе и старший матрос Игорь Малышев, были переведены для продолжения службы на Черноморский флот. И. Н. Малышев принял обязанности боцмана нового катера и после нескольких тренировочных выходов в море был готов к участию в боевых операциях.

Наши войска вели ожесточенные бои, освобождая страны Западной Европы. Отряд кораблей Черноморского флота участвовал в высадке десантов к Констанцу, Варну и Бургас, помогал им огнем своих орудий.

Когда воды и побережье Черного моря были

очищены от противника, группу опытных катерников перевели на Тихоокеанский флот.

Во Владивостоке, в штабе флота И. М. Малышев получил назначение на должность боцмана нового катера и приступил к подготовке корабля и экипажа к боевым операциям.

В начале августа стало известно, что группа кораблей, в которую вошли и торпедные катера, предназначается для высадки десантов в корейские порты Юки, Расин, Этетин, Гензан. Игорь Николаевич встретился с первыми десантниками, и каковы же были его удивление и радость, когда среди них он увидел прославленного североморца Героя Советского Союза (потом он стал дважды Героем Советского Союза) старшего лейтенанта В. Н. Леонова, десантников его группы.

Как известно, в период войны СССР против фашистской Германии японские самураи систематически нарушали пакт о нейтралитете, чем фактически помогали гитлеровцам. Поэтому Советское правительство 8 августа 1945 года заявило Японии, что со следующего дня СССР будет считать себя в состоянии войны с Японией.

9-го августа Советские Вооруженные Силы на Дальнем Востоке начали боевые действия. 11 августа из бухты Новик (остров Русский) вышел отряд торпедных катеров и кораблей поддержки десанта. На головном катере, где боцманом был старшина 2-й статьи И. Н. Малышев, шел с группой десантников первого броска Герой Советского Союза В. Н. Леонов. Исход десантной операции в порт Юки решили быстрота действий состава кораблей и десанта. Порт был захвачен десантом почти без боя. Освобождение порта Юки позволило наступав-

шим вдоль побережья частям 25-й армии, не задерживаясь, преследовать отступающего противника.

12 августа таким же быстрым натиском усиленного отряда десанта, где на одном из ведущих катеров боцманом был старшина 2-й статьи И. Н. Малышев, был взят порт Расин. Но после освобождения порта за населенный пункт развернулись сильные бои. Подоспевшие армейские части помогли морякам освободить город.

На очереди был Сейсин. Самураи сосредоточили здесь много боевой техники и стрелковых частей. Порт был хорошо подготовлен к долговременной обороне. Наши корабли-разведчики появились на горизонте Сейсина еще 12 августа, а 13-го — развернулось ожесточенное сражение на подступах к городу. 14 августа кончилась неудачей попытка высадить десант.

«Я думал, нам не выбраться живыми из огненного кольца, — пишет в своих воспоминаниях И. Н. Малышев, — мины, бомбы, снаряды противника рвались так густо, что залив буквально кипел от разрывов, только наше высокое боевое мастерство и мужество помогали нам находить места для укрытия. 14 августа наши основные силы уцепились за берег и захватили небольшой плацдарм. Утром 15 августа снова бои разгорелись с прежней силой. Но наш десант прочно удерживал занятые накануне рубежи».

За ночь в бухту Сейсин-Ван прибыли боевые корабли Тихоокеанского флота. Плотность огня по позициям самураев удвоилась. На захваченный накануне небольшой плацдарм

высадилась 13-я бригада морской пехоты, в Сейсин прибыл 188-й артиллерийский полк. В воздухе инициатива перешла в руки нашей авиации. 16 августа в результате ожесточенных боев Сейсин был освобожден от японских захватчиков.

В руках японцев на территории Северной Кореи оставались теперь только два прибрежных опорных пункта: порт Этетин и военноморская база Гензан. 19 августа из Сейсина в порт Этетин вышли сторожевые корабли, торпедные катера с десантом в количестве 800 человек. Операцию поддерживали своим огнем эскадренные миноносцы и другие крупные корабли. После сильного огневого налета и быстрой высадки десанта гарнизон самураев капитулировал.

По данным разведки, японцы намеревались дать генеральное сражение за порт и крепость Гензан. 20 августа наши корабли с десантом вышли из Сейсина. Ударным отрядом командовал капитан-лейтенант М. Г. Малик. В задачу торпедных катеров входило высадить десант первого броска, которым командовал старший лейтенант В. Н. Леонов. Другие корабли огнем помогут ему зацепиться за берег, а следом высадят основные силы десанта. Эта задача была успешно выполнена. Тихоокеанцы ворвались в порт Гензан.

Японцы применили свою уже известную тактику. Сперва они не оказывали сильного сопротивления, потом начали переговоры о сдаче Гензана, затем стали ждать командования, которое уполномочено подписать капитуляцию. А в это время их вооруженные подразделения и даже целые части прибывали в Гензан. В

городе и его окрестностях уже накопилось около шести тысяч японских солдат и офицеров.

Вечером 21 августа советское командование в ультимативной форме потребовало от японцев подписать капитуляцию, иначе наши войска начнут боевые действия. Население Гензана встало на сторону освободителей — жители вышли на улицы и требовали от японского командования разоружить своих солдат.

К исходу дня 22 августа гарнизон японцев начал сдаваться в плен. Солдаты складывали оружие и боезапас и переходили в расположение советских войск. Очередь выстроилась на сотни метров.

Так, немногим более чем за десять дней все восточное побережье Северной Кореи было освобождено от японских захватчиков.

После окончания войны старшина 1-й статьи Игорь Малышев продолжал службу на кораблях Тихоокеанского флота, готовил корабельных специалистов из молодежи послевоенного призыва. В 1950 году, имея восемь правительственных наград, уволился в запас.

БОЕВЫЕ БУДНИ

Сдав последний экзамен, юнга Анатолий Завгородний неожиданно заболел и попал в госпиталь. Поэтому только 8 ноября 1943 года он прибыл к своему новому месту службы на лидер эскадренных миноносцев «Баку». По специальности Анатолий Завгородний был боцманом, его направили в боцманскую команду — марсовым. Кроме своих повседневных обязанностей по боевому расписанию, он работал в

орудийном расчете трубочным, по пожарной тревоге действовал огнетушителем, если были пострадавшие, брался за носилки, а в случае высадки десанта был автоматчиком. А заместитель командира корабля по политической части, узнав, что Завгородний в школе юнг занимался оформлением классов, был заместителем редактора стенной газеты, тут же сказал:

— Считаю своей обязанностью художественное оформление Ленинской каюты и корабельной стенгазеты.

На все поручения Анатолий Завгородний отвечал бодро:

— Есть!

Слово у него не расходилось с делом. И на этот раз он сразу же взялся за оформление стенной газеты, вспомнил стихи:

В пятнадцать лет покончил с детством,
Шагнул с военных игр в войну,
От коммунистов получил в наследство
Обязанности защищать страну.

И дальше Анатолий призывал личный состав «Баку» безупречно выполнять свои обязанности и беспощадно истреблять фашистов.

Лидер «Баку» почти не выходил из боевых операций: сопровождал конвой, защищал внутренние морские сообщения, активно оберегал постоянно действующие фарватеры и заливы базирования кораблей, боролся с немецкими надводными кораблями, подводными лодками и авиацией, обстреливал вражескую пехоту на побережье.

А. М. Завгородний в своих воспоминаниях отмечает, что только за период его службы на

лидере «Баку», то есть с декабря 1943 года до апреля 1945 года, корабль участвовал в сопровождении 28 конвоев наших союзников. Каждый конвой надо было встретить у острова Медвежий, принять транспортные суда от кораблей сопровождения и проводить конвой в наши порты Мурманск или Архангельск. А если груженые транспорты выходили из наших портов, то их надо было сопровождать до острова Медвежий. Медвежий был условной границей между Баренцевым и Норвежским морями. Норвежское море входило уже в зону действия флота союзников.

Кроме союзнических конвоев «Баку» часто участвовал в сопровождении своих транспортных судов в Баренцевом, Карском и Белом морях. Особенно трудно было в зимнее штормовое время, когда корабль покрывался льдом, а мощная волна заливала палубу, проникала в кубрики, угрожала жизни корабля. Тогда вся команда участвовала в спасении корабля: сбивала лед с надстроек и палубы, откачивала воду из затопленных помещений. А артиллерийские орудия, торпедные аппараты, глубинные бомбы держали всегда в боевой готовности.

Очень часто в это трудное время появлялись вражеские самолеты или подводные лодки. Вспыхивал бой. Высокое боевое мастерство, отвага и мужество членов экипажа лидера «Баку» всегда приносили кораблю успех.

В конце 1944 года за достигнутые успехи в боях с немецкими захватчиками и высокое боевое мастерство, отвагу и мужество личного состава «Баку» был награжден орденом Красного Знамени. «Славный боевой путь за годы Отечественной войны прошли моряки-северомор-

цы корабля под командованием тов. Беляева, — говорилось в листовке, посвященной награждению. — Корабль в боевых походах прошел более 50 000 миль, успешно провел в североморские порты свыше 200 союзнических и отечественных транспортов, участвовал во многих операциях... Товарищи североморцы! Пример и слава моряков Краснознаменного корабля зовут нас к новым боевым победам. Усилим наши удары по врагу, очищая Баренцево море от гитлеровской нечисти. Смерть фашистским мерзавцам!»

Но светлых и радостных дней на Северном флоте было крайне мало. Жизнь моряков омрачала не только плохая погода, но и гибель близких товарищей. Это горе коснулось и матроса Анатолия Завгороднего. В одной из жестоких схваток наших кораблей с фашистскими подводными лодками погиб его душевный друг детства и однокашник по школе юнг Виктор Чега, служивший на эскадренном миноносце «Разъяренный». На эту потерю Анатолий Завгородний откликнулся стихотворением:

Юркнуло фашистской подлодки рыло,
Поднялась воды волна,
Вздогнула, распоротая лезвием взрыва
«Разъяренного» корма.

Сопки сменили на траур наряд,
Где-то в плаче зашлась девчонка,
Тускл, неподвижен матери взгляд.
Лежит на столе похоронка.

Девичьих губ не целовал изгиб,
Не отмечал его в передачах диктор.
Просто в пятнадцать пошел, в семнадцать погиб
Юнга с «Разъяренного» Чега Виктор...

В июне 1948 года лидер эсминцев «Баку» был поставлен на капитальный ремонт. Основную массу его личного состава списали на доукомплектование вновь строящихся кораблей. Старший матрос Завгородний получил направление на эскадренный минопосец «Огненный». Принял боцманскую команду, но, пока корабль недостроен и не прошел испытаний, пришлось выполнять различные работы, распределять людей. Часто боцман беседовал с молодыми матросами:

— Из войны и трехлетней службы после войны, — говорил он, — я вынес твердое убеждение, что на флоте воюет не отдельный матрос или командир, воюет коллективная сила — корабль. Но в то же время каждый должен считать, что только от него одного, от него лично зависит исход боя. Если какое-нибудь звено начинает допускать сбой в работе, то боеспособность корабля падает. Недобросовестность одного может привести к срыву боевого задания и кончиться трагически для корабля со всем его экипажем. На боевом корабле халтура недопустима. Это надо помнить, а главное — выполнять с абсолютной точностью.

В апреле 1949 года Анатолий Михайлович Завгородний уволился из рядов флота и вернулся в Уфу. Здесь ему предложили работу в органах МГБ, он согласился и проработал еще 30 лет. За службу он награжден 14 медалями, отмечен поощрениями.

НА МАЛЫХ КАТЕРАХ

Юнгу Кочурова из школы направили для прохождения дальнейшей службы в состав

Краснознаменного Балтийского флота — рулевым-сигнальщиком на катер-дымзавесчик № 914, где командиром был мичман Алешин. Катер входил в состав 10-го дивизиона охраны водного района (ОВР) Кронштадтского морского оборонительного района (КМОР).

В Кронштадте на Петровской пристани команду новичков встретил командир дивизиона капитан третьего ранга Н. А. Амелько и разрешил осмотреть Петровский парк, пристань, а через час всем собраться у причала. Кочуров взвалил на плечи полегчавший в дороге вещевой мешок и отправился в Петровский парк. Здесь росли каштаны, особые ели и другие деревья, которых на Урале и на Соловках не было. Потом юнга подошел к памятнику Петру Первому и прочитал надпись: «Оборону флота и сего места держать до последней силы и живота, яко наиглавнейшее дело».

Николай прочитал эту надпись на памятнике несколько раз. Она сливалась с наказаниями родных и близких, которые провожали его в 1942 году на пристани в Уфе. Она повторялась в наказах командования школы, которое год их учило военно-морскому делу.

Кочуров вышел на берег Финского залива и осмотрел окрестности острова Котлин, в южной части которого стоит Кронштадт, вдали виднелись очертания Ленинграда, Ораниенбаума (Ломоносова) и других памятных мест. Нет, — подумал он, — советские люди не отдадут эту землю проклятым фашистам. Он не заметил, как к нему подошел командир дивизиона. Тот сразу понял состояние молодого матроса и сказал:

— С этого момента вы, товарищ Кочуров,

не юнга, а моряк Краснознаменного Балтийского флота. Приложите все силы и знания, чтобы оправдать доверие командования и надежды людей, которые вас послали на флот и доверили грозное оружие. С завтрашнего дня приступаем к выполнению ответственной операции, и надеюсь, что ваш 914-й, где вы будете заместителем командира корабля, выполнит свою задачу.

Кочуров заторопился на корабль, но вступил на его палубу только вечером, когда 914-й вернулся к месту своей стоянки. Мичман Алешин обрадовался приходу подготовленного рулевого-сигнальщика, представил команде нового своего заместителя.

Командир рассказал команде о предстоящей боевой операции по перевозке из Ленинграда и с мыса Лисий нос частей 2-й ударной армии со всем ее вооружением, боевой техникой и обоями. Старшина мотористов высказал озабоченность, что моторы уже отработали два срока без ремонта. Мичман остановил его: надо, чтобы моторы работали три, а если потребуется, и четыре срока.

— О чем разговор, — вступился за своего старшину моторист, — раз надо — сделаем. Моторы будут работать, как часы.

На этом разговор закончился, команда разошлась. Кочуров понял, что здесь все хорошо знают, что делать.

— А теперь, — сказал Алешин, — я тебя познакомлю с боевым постом и вообще с кораблем. Запоминай, где что лежит и кто из команды за какой участок отвечает.

Часа два мичман водил своего нового заместителя по боевым постам, называл фамилии

ответственных лиц, разъяснял маршруты движения, меры уклонения от мин, поведение при бомбежке и обстреле. Словом, за эти два часа на голову Кочурова свалилась тьма сведений, а командир только уверял, что все это просто: запомни и выполняй.

5 ноября 1943 года вечером 914-й вышел из Кронштадта на Лисий нос. С южного берега залива прозвучали залпы фашистских батарей, но Кронштадт и форты ответили мощным ударом, и они сразу замолчали. Когда катер подошел к пирсу Лисьего носа, там уже заканчивалась погрузка в трюмы барж орудий, боеприпаса и других грузов 2-й ударной армии.

С наступлением темноты специально подготовленные буксиры, в том числе сетевые заградители «Онега», «Вятка» и тихоходные тральщики, взяли груженые баржи на буксир и направились по фарватеру в сторону Ораниенбаума. 914-й и другие малые корабли шли параллельным курсом с левой и правой сторон конвоя.

Когда проходили вдоль южного берега Финского залива, который от станций Стрельна до Старого Петергофа занимали фашисты, 914-й и другие катера поставили дымзавесу. Караван благополучно прибыл в Ораниенбаум, и началась разгрузка. Работа шла организованно, бесшумно и быстро. Той же ночью все баржи, буксиры и корабли, участвовавшие в конвое и охране, вернулись на Лисий нос или в Ленинград.

С этого дня для 914-го и других кораблей и судов, выделенных для переброски 2-й ударной армии на Ораниенбаумский плацдарм, на-

чалась ночная работа. Кроме опасности обстрела конвоев фашистскими батареями, бомбежки с воздуха, всегда днем и ночью была близко минная опасность. Поэтому малым кораблям типа 914-го приходилось днем проверять фарватеры, не появились ли на них мины. Их могли сбросить фашистские самолеты, их могло пригнать сюда ветром с запада. Сильно мешали штормовые ветры, дожди, а позже льдины.

В ноябре на фарватерах стали появляться сперва отдельные льдины, потом большие ледяные поля, которые затирали буксиры и самоходные баржи. Крупные корабли дробили лед и прокладывали путь для перевозки грузов и личного состава. К началу наступления наших войск из Ленинграда и с Лисьего носа в Ораниенбаум было перевезено более 44 тысяч бойцов, более 200 танков и самоходных орудий, 2400 автомашин, около 600 орудий, свыше ста тысяч тонн боеприпасов, много другой техники, машин и вооружения.

На катере № 914 команду составляли в основном старослужащие. Взаимодействия между боевыми постами были отработаны четко. Люди понимали друг друга даже по взгляду. Новичком был только рулевой-сигнальщик Николай Кочуров, но ему каждый старался помочь.

В середине ноября 914-й сопровождал на остров Лавенсари самоходную баржу с грузом. До Лавенсари дошли в темное время суток, а обратно 914-му пришлось возвращаться днем. На полпути за кораблем увязался фашистский самолет. Крупнокалиберный пулемет отразил три атаки фашистского стервятника. Но пилот, видимо, остервенел и лез буквально напролом.

Бой с каждой минутой накалялся, и вот фашистский самолет пошел в пики, стремясь сбросить бомбы точно на советский корабль. Рулевой Николай Кочуров четко выполнял все команды опытного командира, и 914-й умело уклонялся от прямых попаданий не только бомб, но и пулеметных очередей. При очередном маневре пулеметчик 914-го из ДШК прошелся по всему борту самолета, фашист сбросил бомбы мимо цели. В это время появились наши истребители и добились стервятника.

— Когда мы вернулись в Кронштадт, — вспоминает Н. И. Кочуров, — ко мне подошел командир корабля, крепко пожал руку и сказал: «Теперь я готов идти с тобой на любую операцию!» Потом подходили товарищи по команде, жали руку и хлопали по плечу, все признавали меня своим человеком. Это испытание было труднее школьного экзамена, и я запомнил его на всю жизнь. Спасибо им, моим дорогим балтийцам!

В период боевых действий с 14 до 27 января 1944 года 914-й и другие корабли ОВРа не знали покоя, и только 27 января, в день освобождения Ленинградской области, отпраздновали заслуженную победу. За активное участие в боях 10-й дивизион был награжден орденом Красного Знамени. Многие офицеры, старшины и матросы кораблей этого дивизиона тоже получили награды. Старший матрос Н. И. Кочуров был удостоен медали Ушакова.

Весной 1945 года корабли 10-го Краснознаменного дивизиона ОВРа КМОР были переоборудованы из дымзавесчиков в тральщики. По мере продвижения наших войск и флота на запад минная опасность возрастала. Мины сре-

зали тралами, их срывало ветром и разносило по всему морю. Недаром моряки называли Балтику «суп к клецками».

— Весной 1944 года наши катера-дымзавесчики, — вспоминает Н. И. Кочуров, — были переоборудованы в катера-тральщики и наша часть стала дивизионом катерных тральщиков. Отыскать и обезвредить мину требует много труда, но, главное, возросла опасность нашей работы. Ведь количество мин только в Финском заливе исчислялось десятками тысяч единиц.

В июне 1944 года корабли Балтийского флота снова активно участвовали в боевых операциях по освобождению Карелии, островов Бьерского архипелага и Выборгского залива. Тральщики, дымзавесчики, буксиры и другие суда работали днем и ночью. Кроме мин, они вели борьбу с батареями береговой обороны, с кораблями и самолетами противника.

— Мы высаживали десантные части на острова, — рассказывает Н. И. Кочуров, — отбивали атаки кораблей и береговых батарей Финляндии, сухопутных частей и авиации фашистской Германии. Враг старался удержать в своих руках любой островок, каждую высоту и озеро.

Большим препятствием были мины. Однажды наши корабли выходили из Выборгского залива, но фарватер оказался перекрыт минами. 914-й первым заметил опасность. Спустили шлюпку, командиром которой по боевому расписанию был старший матрос Н. И. Кочуров. Он сел за весла, а мипер — на корму, и шлюпка осторожно подошла к плавающей мине. Мипер руками поймал мину, привязал к ней толую шашку, поджег бикфордов шнур. Кочуров

начал грести, налегая на весла что было сил, а минер следил за секундомером. Вот он командовал: «Ложись!»

Сила взрыва оглушила обоих. Во многих местах шлюпка была пробита осколками, но люди не пострадали.

При работе на минных полях рулевой обязан вести свой корабль в строю уступа таким образом, чтобы между тралами не оставалось непротраленного участка, и следить, чтобы не наскочить на мину, подрезанную впереди идущим тральщиком. На суше говорят, что минер ошибается только один раз в жизни. Но за эту ошибку он расплачивается сам. А вот на море ошибка минера может привести к гибели корабля и многих людей.

— Был у нас случай,—вспоминает Н. И. Кочуров, — когда подрезанная мина застряла в трале. Над кораблем нависла смертельная опасность. Но выручили мастерство командира и рулевого. Мичман внимательно следил за тралом и миной, а рулевой четко выполнял все его команды. 914-й подошел к мели, матросы освободили трал от мины и уничтожили ее.

Служба на малых кораблях оказалась не такой уж простой и легкой. Она требовала от каждого отличного знания своей специальности, высокой натренированности, смелой инициативы, находчивости, быстроты и решительности действий.

Хоть нет брони на катере сосновом,
Зато есть люди — крепкие как сталь,
Отважны, стойки, молоды, суровы,
Но не знакомы им унынье и печаль!

Это — слова популярной песни военных лет. В 1946 году старшину 2-й статьи Н. И. Кочурова назначили командиром отделения рулевых и перевели на тральщик. Главной базой кораблей, работающих в западной части Балтики, стал город Балтийск (бывший Пиллау). Здесь занимались тралением, но мин было уже меньше, чем в восточной части.

В марте 1950 года старшина 1-й статьи Кочуров, подготовив себе хорошую замену, уволился из рядов Военно-Морского Флота. Окончил институт и работал на предприятиях Башкирии. Он награжден орденом Отечественной войны второй степени, двумя орденами «Знак Почета», медалями Ушакова, Нахимова и другими. Ему присвоено звание «Заслуженный энергетик Башкирской АССР».

НА ЗАЩИТЕ ЛЕНИНГРАДА

Яков Кобяков в школе юнг освоил специальность артиллерийского электрика и получил направление для прохождения дальнейшей службы на Краснознаменный Балтийский флот, попал на эскадренный миноносец «Строгий». Корабль только прибыл с боевого задания, и это радовало молодого матроса, вселяло надежду на скорое участие в боевых операциях.

На эсминце новичка приняли хорошо. После беседы с командиром корабля капитаном второго ранга В. Р. Новаком командир взвода управления привел Кобякова в центральный пост, познакомил с личным составом, с приборами, на которых ему предстояло работать.

Утром следующего дня «Строгий» подошел к заводской стенке, чтобы провести предупредительный ремонт и залечить раны, полученные в недавнем бою. Электриков, специалистов приборов управления стрельбой, дальномерщиков-визирщиков собрал в кубрике командир второй боевой части капитан-лейтенант А. Ф. Кобот, провел разбор действий личного состава в прошедшей боевой операции, поставил задачи подготовки к новой операции.

В начале октября 1943 года на «Строгом» были закончены все ремонтные работы и корабль вернулся на штатное место стоянки. На Неве ниже «Строгого» стояли эсминцы «Грозный» и «Славный», выше — канонерская лодка «Ока». Эта группа кораблей отвечала за оборону прибрежного участка, часто вступала в борьбу с вражескими самолетами и батареями.

Личный состав «Строгого» активно включился в подготовку к предстоящей операции по разгрому немцев под Ленинградом. В начале декабря на корабле побывали офицеры штаба флота во главе с командиром третьей группы кораблей капитаном первого ранга М. Г. Ивановым. Они тщательно проверили состояние боевого оборудования и подготовку личного состава.

— Я первый раз работал на приборах, — вспоминает Я. К. Кобяков, — с такой высокой скоростью и большой нагрузкой. Проверяющие отметили четкость моих действий и на моем боевом посту, и по замене товарищей.

После проверки эсминец «Строгий» занял место на Неве ниже Володарского моста.

Подготовка к разгрому врага под Ленинградом началась осенью 1943 года. В этот период

из Ленинграда на Ораниенбаумский плацдарм под носом у фашистов (они занимали выступ к побережью Финского залива от станции Стрельна до Старого Петергофа) были перевезены части 2-й ударной армии. Оперативный замысел заключался в том, чтобы нанести по врагу удар с этого плацдарма и от Пулковских высот частями 42-й армии. Наступая навстречу друг другу, эти армии должны были встретиться в Ропше, окружить и разгромить стрельнинско-петергофскую группировку врага. Одновременно войска Волховского фронта имели задачу нанести двойной удар по врагу, двигаясь по сходящимся направлениям, и разгромить его группировку в районе Новгорода.

Для нанесения мощных огневых ударов по укреплениям противника и поддержки наших наступающих войск командование Ленинградского фронта и Балтийского флота создали четыре ударные артиллерийские группы. Эскадренный миноносец «Строгий» был включен в состав третьей группы.

Личный состав эсминца, особенно артиллеристы и специалисты управления огнем, тщательно готовился к решительной схватке с фашистами. Встретили и проводили Новый год, но отдыхать было некогда. Враг, предчувствуя свою гибель, лез в каждую щель, чтобы разведать обстановку. Но воины фронта и моряки Балтики вели подготовку крайне скрытно. Даже население Ленинграда не предполагало предстоящей бури. Во все стрелковые части, закрепленные за эсминцем, для обеспечения огневой поддержки были направлены корректировщики, которые регулярно докладывали обстановку.

Утро 14 января 1944 года выдалось необыкновенно тихим. Белые клочья тумана окутывали землю, висели на ветках уцелевших деревьев, покрывали серой пеленой ледяную гладь Невы.

В 9 часов 35 минут раздался залп 1773-х орудий. Они били по 10-километровому участку фронта, где сосредоточились для прорыва войска 2-й ударной армии и части Ораниенбаумского плацдарма. В 10 часов 40 минут началось их наступление. Они быстро сломали сопротивление противника.

Утром 15 января началась артиллерийская и авиационная обработка участка, где наступала 42-я армия. Артиллерия флота была по намеченным целям. Громили врага и орудия «Строгого». Корабль умело маневрировал огнем. В разгар боя был получен приказ командира 3-й группы: срочно нанести мощный удар по огневым позициям в районе станции Александровка. За несколько минут в тот район было послано 130 снарядов: огневые точки уничтожены, железнодорожная линия разрушена, враг лишился возможности подвозить резервы. Корректировщики, командиры наступающих частей потом доложили, что артиллерийским огнем эсминца всего уничтожено 16, подавлено 49 артиллерийско-минометных батарей противника, взорвано 2 моста и разрушено 2 переправы, уничтожено и рассеяно 6 танковых и 5 мотострелковых частей противника, взорвано 4 склада с боеприпасами, сбито 2 самолета, выведен из строя аэродром. Эти цифры записаны в журнале боевых действий корабля.

19 января 1944 года части 2-й ударной армии, наступавшие с Ораниенбаумского плац-

дарма, и 42-й армии, наступавшие от Пулковских высот, встретились в селе Ропша и замкнули кольцо вокруг петергофско-стрельнинской группировки врага. Началось ее уничтожение. Успешно развивалось и наступление частей Волховского фронта.

27 января 1944 года вся территория Ленинградской области была освобождена от немецких захватчиков. В этот вечер небо Ленинграда озарилось салютом в честь освободителей.

Я. К. Кобяков в боях проявил высокое боевое мастерство и мужество. Первое время, когда не хватало навыков в работе, он не стеснялся обращаться к более опытным товарищам. В боевых операциях, как отмечали командиры, он работал уверенно, быстро и точно, уже скоро мог заменить любого специалиста центрального поста. Поэтому, когда весной 1944 года освободилась должность командира отделения артиллерийских электриков, командир корабля капитан первого ранга В. Р. Новак не колеблясь назначил на эту должность старшину второй статьи Я. К. Кобякова. Молодой, но уже опытный командир отделения приложил много сил, чтобы отделение стало отличным и заняло первое место на корабле. Я. К. Кобяков добивался, чтобы подчиненные постигали все сложности своей специальности, выполняли любой ремонт приборов центрального поста своими силами. «Строгий» в первую же послевоенную навигацию по всем видам боевой подготовки занимал первое или второе место в эскадре.

Опытного, инициативного и умеющего работать с личным составом старшину первой статьи Я. К. Кобякова назначили старшиной группы взвода управления, куда входили электрики,

дальномерщики, визирщики и все специалисты приборов управления огнем.

— В начале 1949 года, — вспоминает Яков Куприянович, — меня перевели на эскадренный миноносец «Отличный» на ту же должность. Было очень трудно последний раз сходить по трапу с корабля, на котором прослужил пять с половиной лет. Но приказ — в кармане, и его надо выполнять. Эсминец «Отличный» — однотипный со «Строгим», и это помогло быстро освоиться с кораблем. Все лето 1949 года мы провели в упорных занятиях по боевой подготовке, а осенью из десяти плановых зачетных стрельб шесть отстреляли на «отлично», остальные — на «хорошо».

За эти стрельбы старшина первой статьи Кобяков был отмечен почетной грамотой, ценным подарком. В марте 1950 года, отслужив установленный срок срочной службы, Яков Куприянович, имея шесть правительственных наград, уволился из рядов Военно-Морского Флота в запас и вернулся в Уфу. Работал он в локомотивном депо Дема бригадиром слесарей-ремонтников.

За высокое боевое мастерство, отвагу и мужество, проявленные в боях с немецкими захватчиками в годы Великой Отечественной войны, за добросовестное отношение к труду и активную общественную работу Я. К. Кобяков награжден орденами Отечественной войны второй степени и Почета, семью медалями, он является почетным ветераном локомотивного депо Дема, награжден Почетной грамотой Президиума Верховного Совета БАССР.

В школе юнг Александр Рац получил специальность артиллерийского электрика и был направлен для прохождения дальнейшей службы на линейный корабль «Октябрьская революция» Краснознаменного Балтийского флота. Любимая специальность, старейший в стране флот, самый большой корабль — все это радовало юнгу, и он торопился к новому месту своей службы.

В первый же день юнга побывал на приеме у командира корабля капитана первого ранга Н. А. Петрищева, у командира второй боевой части, встретился с командиром взвода управления и командиром отделения, в центральном посту ознакомился с приборами, на которых ему предстояло работать.

Никто не скрывал от новичка, что корабль находится в трудном положении. Не хватает половины штатного личного состава, многие матросы и старшины ушли сражаться на сухопутный фронт. Поэтому на корабле каждому приходилось работать за двоих-троих. Линкор сражался с кораблями, авиацией и береговой артиллерией противника. Он громил фашистов беспощадно, но и ему доставалось немало. Многие надстройки, кубрики, палуба были повреждены вражескими бомбами и снарядами. Моряки старались устранить повреждения, но прибавлялись новые. Питание было скудное, даже пресную воду расходовали по норме.

В первый же день застала юнгу боевая тревога. Линкор отражал налет немецкой авиации на Ленинград. Загремели залпы зенитных ору-

дий, и один фашистский стервятник задымился, пошел на снижение, а потом рухнул на землю.

— Вот это здорово! — восхитился юнга.

Но его новые товарищи это посчитали обыденным, привычным делом. Услышав сигнал отбоя воздушной тревоги, они легли спать, и, как убедился юнга, все скоро крепко заснули.

Утром побудка, приборка, умывание проводились без включения света. Экономили электроэнергию. Матросы все делали без суеты и суматохи, а вот юнга оказался беспомощным. Он стоял у своей постели, держался за матрац и не знал, куда и зачем двигаться. В темноте командир отделения подозвал его, показал, где положить матрац, сводил умыться, потом на камбуз. Так новичок осваивал необходимые житейские правила на большом корабле.

Днем дважды открывали огонь по батареям врага, чтобы заставить его прекратить огонь по Ленинграду. А остальное время до глубокой ночи выполняли ремонтные работы. А юнга с командиром отделения выбрали время и часа полтора позанимались на приборах центрального поста.

Вечером при закате солнца вся команда была построена на верхней палубе, и заместитель командира корабля по политической части объявил мероприятия, которые надлежало провести по подготовке к 26-й годовщине Великой Октябрьской социалистической революции. Он подчеркнул, что со второго июля 1925 года линейный корабль носит имя Великого Октября. Юнга тут же спросил командира отделения:

— А как он раньше назывался?

Замполит уловил шепоток в строю и сказал, что до 2-го июля 1925 года линкор назывался

«Гангут», и коротко пояснил происхождение этого названия. В заключение замполит особо подчеркнул необходимость готовности материальной части, чтобы дать отпор врагу, если он осмелится нарушить наш традиционный праздник.

На другой день командир отделения сводил юнгу в Ленинскую каюту, где Александр узнал много нового и интересного о линкоре, об истории Балтийского флота, о революции.

Однажды на рассвете прозвучал сигнал воздушной тревоги. Александр быстро прибежал в центральный пост и подготовил приборы к работе. В это время над городом появились немецкие самолеты. Зенитчики линкора вступили в бой и быстро отбили первую атаку гитлеровских стервятников. Личному составу разрешили идти на завтрак, а у орудий остались только дежурные. В числе оставшихся был и командир зенитного орудия Иван Томбасов.

Неожиданно по линкору ударила дальнобойная береговая батарея. Снаряд пробил фальшборт и разорвался недалеко от орудия Томбасова. Промасленный брезент, на котором лежал боезапас, загорелся. Создалась угроза взрыва. Томбасов принялся сбрасывать снаряды, лежащие на горящем брезенте, за борт. Но последний снаряд разорвался в его руках. По ходатайству личного состава и командования линкора за героический подвиг при спасении корабля старшина первой статьи Иван Томбасов был награжден орденом Красного Знамени посмертно. А на щите зенитного орудия появилась пластина с надписью: «Орудие старшины 1 статьи Ивана Томбасова».

В конце 1943 года линкор участвовал в обе-

спечении перевозки 2-й ударной армии на Ораниенбаумский плацдарм.

В эти дни юнге А. Р. Рацу присвоили воинское звание матроса и передали под его заведование все приборы управления стрельбой башенных установок.

Готовилась операция по окончательному разгрому немцев под Ленинградом. Вся артиллерия кораблей и береговых батарей, в зависимости от места дислокации и поставленных задач, была разбита на четыре группы. Линкор «Октябрьская революция», крейсера «Галлин», «Максим Горький», «Киров», лидер «Ленинград» и эсминец «Свирепый» входили во вторую группу, которой командовал вице-адмирал Ю. Ф. Ралль. Артиллеристы группы часто собирались на линкоре «Октябрьская Революция», отработывали взаимодействие, методы нанесения ударов по целям.

Командир второй боевой части линкора капитан третьего ранга Бредун провел 27 специальных занятий и тренировок с командирами и специалистами центрального поста. Отработывали методику ведения огня по береговым целям, взаимозаменяемость и другие вопросы. На этих занятиях матрос А. Р. Рац показал хорошую подготовку и четкую работу на приборах центрального поста. Артиллеристы в погребах укладывали снаряды на особые стеллажи, чтобы потом можно было удобно и быстро взять для подачи к орудиям, на снарядах мелом писали: «За город Ленина», «За кровь ленинградцев». Рац, оказавшись в погребе, на нескольких снарядах вывел: «За Ивана Томбасова», «За наше преждевременно загубленное детство», «За юнг с Соловецких островов».

Утром 14 января 1944 года в 9.35 началась артиллерийская подготовка. За 65 минут артиллеристы и минометчики первой и второй групп выпустили по врагу свыше ста тысяч снарядов и мин. В 10 часов 10 минут Вторая ударная армия и части, оборонявшие Ораниенбаумский плацдарм, перешли в наступление на Ропшу.

15 января 1944 года линкор «Октябрьская революция» вел огонь из орудий главного калибра по укреплениям противника в Большом Виттолово и Русском Койрово. Противник бежал в Красное Село.

Пять дней 2-я ударная армия с Ораниенбаумского плацдарма и 42-я армия от Пулковских высот с ожесточенными боями пробивались навстречу друг другу. Все эти дни артиллеристы первой и второй групп активно поддерживали наступление наших частей, разрушали укрепления противника, истребляли его живую силу и технику. 19 января 1944 года наступающие армии встретились в поселке Ропша. Петергофско-стрельнинская группировка противника была окружена и уничтожена. Блокада Ленинграда была ликвидирована. Наши войска продолжали наступление на Новгород, Псков и Нарву.

Севернее Сестрорецка и на Карельском перешейке все еще находились войска противника. Но вот дошла и до них очередь. Для нанесения первого удара были вновь созданы четыре артиллерийские группы. Линкор «Октябрьская революция» перешел на новую огневую позицию, ошвартовался у железной стенки торгового порта и был включен в четвертую артиллерийскую группу. 9—10 июня 1944 года

артиллерия кораблей нанесла первый удар по укреплениям противника на Карельском перешейке. Видимость была очень плохая, весь горизонт затянуло туманом. Но командир линкора выслал своих корректировщиков, которые шли в рядах наступающих частей и корректировали огонь своих кораблей. Крупнокалиберные снаряды линкора разрушали доты, дзоты. Наши части успешно продвигались вперед и скоро овладели городом-крепостью Выборг.

22 июля 1944 года на верхней палубе был выстроен весь личный состав линкора. Командир корабля зачитал Указ Президиума Верховного Совета СССР: «За образцовое выполнение заданий командования на фронте борьбы с немецкими захватчиками и проявленные при этом мужество и отвагу наградить орденом Красного Знамени линейный корабль «Октябрьская революция».

3-го сентября 1944 года командующий Краснознаменным Балтийским флотом адмирал В. Ф. Трибуц вручил экипажу этот орден. Отныне он сиял на флаге корабля, а корабль именовался «Краснознаменный линейный корабль «Октябрьская революция». Каждый член экипажа, в том числе и матрос А. Р. Рац, гордился тем, что в этой высокой награде есть и его доля ратного труда.

Осенью 1944 года линкор был переведен в Кронштадт и поставлен на ремонт. 28 февраля 1945 года в командование линкором вступил капитан первого ранга С. Д. Солоухин. После ремонта офицеры, старшины и другие специалисты корабля готовили кадры для новых кораблей флота. Одной из групп артиллерийских электриков руководил старшина первой статьи

А. Р. Рац. При сдаче экзаменов матросы его группы получили только хорошие и отличные оценки.

Краснознаменный линкор «Октябрьская революция» был флагманом дважды Краснознаменного Балтийского Флота. Он активно участвовал во всех мероприятиях боевой и политической подготовки. В 1948 году артиллеристы линкора на зачетных стрельбах завоевали переходящий приз командующего флотом. В 1953 году линкор был переведен в разряд учебных кораблей. А в 1956 году он, отслужив свой срок, пошел на переплавку. Его преемником позже стал крейсер имени Октябрьской революции.

В марте 1950 года Александр Рудольфович Рац уволился в запас. Грудь боевого моряка украшали девять медалей. Он вернулся к мирному труду, обзавелся семьей и долго работал на приборостроительном заводе, став заслуженным ветераном труда.

ФЛОТСКОЕ БРАТСТВО

В школе юнг Василий Кирсанов выучился на корабельного электрика и был направлен на эскадренный миноносец «Страшный» Краснознаменного Балтийского флота. В Ленинграде в штабе флота, проверив документы, сказали, что «Страшный» из Ленинграда перешел в Кронштадт, и Кирсанову придется на попутной машине добираться до Лисьего носа, а там ночью, тоже на попутном буксире, переправиться в Кронштадт.

В Кронштадт юнга прибыл только утром. День был по-осеннему дождливый и ветреный.

Вышел юнга на Якорную площадь и залюбовался красивым морским собором. Обошел раз-другой вокруг собора, подошел к висячему мосту. Мост через канал держался только на крайних опорах, а середина крепилась к береговым стойкам. Следом внимание привлек памятник адмиралу Макарову.

Начальник патруля, стоявший у входа на Якорную площадь, давно заметил слоняющегося на площади моряка, но поняв, что матрос в Кронштадт прибыл первый раз, не торопился прерывать его осмотр вековых шедевров. Но когда юнга стал рассматривать детали вымощенной железными узорчатыми плитами улицы, начальник патруля подозвал юнгу, проверил документы, указал, как разыскать нужный ему корабль, и велел поторопиться.

Кирсанов быстро нашел свой корабль. Эскадренный миноносец «Страшный» стоял на швартовых в канале около Петровского парка, прикрытый маскировочной сетью. Личный состав занимался ремонтными работами. А их накопилось много. Еще во время августовского 1941 года перехода из Таллина в Кронштадт «Страшный», как и другие корабли флота, подвергся сильной бомбежке и обстрелу противника, много повреждений причинили мины. Вернувшись в Кронштадт, личный состав эсминца за короткое время смог устранить только те повреждения, которые особенно снижали боеспособность корабля. Затем эскадренный миноносец «Страшный» перешел в Ленинград и встал на переднюю линию обороны в северном ответвлении (рукаве) Невы при впадении ее

в Финский залив. Эсминец находился близко от Карельского участка фронта, часто помогал армейским частям отражать атаки врага. Но и эсминцу немало перепадало при обстрелах и бомбежках.

Сейчас «Страшный» прибыл в Кронштадт, чтобы получше залечить раны и подготовиться к предстоящим боевым операциям.

На корабле юнгу Кирсанова встретил вахтенный офицер, проверил документы и проводил его к командиру корабля, а потом к командиру отделения электриков старшине первой статьи Гунько.

— Весь первый вечер, — вспоминает В. П. Кирсанов, — Гунько расспрашивал меня, чему и как учили в школе, что я умею делать практически, и уже перед отбоем он доверительно сообщил, что готовимся к новой большой боевой операции, а ремонтных работ еще много. Так что завтра с утра за работу, но и подготовку к операции забывать не будем. Это главное сейчас. А вот спать и отдыхать придется мало.

Утром юнга уже вместе с командой выполнял весь распорядок дня: подъем, зарядка, завтрак, а потом вместе с командиром отделения отправился на работу. Надо было наладить снабжение корабля электроэнергией низкого и высокого напряжения.

После обеда электрики, в том числе и юнга Кирсанов, комендоры, специалисты центрального поста тренировались по специальности. Старшина первой статьи Гунько водил юнгу по кораблю, показывал все места обязательного обслуживания отделением электриков. Он

обращал внимание на слабые узлы, которые часто выходили из строя. Ведь «Страшный» уже побывал во многих боевых операциях, дважды ставился на капитальный ремонт. Поэтому Гунько старался, чтобы юнга, которому предстояло служить на корабле много лет, знал все слабые места в электрооборудовании и в электроприборах. Так, с ноября 1943 года вошло в правило: утром, пока светло, все занимались ремонтом, а после обеда до глубокой ночи шлифовали боевое мастерство.

Но иногда этот распорядок дня нарушался. Ночью на фарватерах появлялись наши транспортные суда, которые перевозили части 2-й ударной армии из Ленинграда и Лисьего носа на Ораниенбаумский плацдарм. Фашисты открывали огонь по ним. Тогда в бой вступала артиллерия фортов и кораблей Кронштадта, в том числе и эскадренного миноносца «Страшный».

Кирсанов по боевому расписанию входил в орудийный расчет 130-миллиметрового орудия. И когда батареи корабля вступали в схватку с немецкими артиллеристами Петергофа, работал на подаче боезапаса. Позже он изучил материальную часть орудия, виды снарядов и зарядов. К началу 1943 года он уже работал в составе основного боевого расчета.

На Ленинградском фронте готовилась операция по разгрому Стрельнинско-Петергофской группировки противника. Эскадренный миноносец «Страшный» был включен в состав первой группы артиллерии, где командиром был подполковник Е. А. Проскурин. Он несколько раз побывал на корабле, проверил готовность к боевым действиям материальной части, особен-

но 130-мм дальнобойных артиллерийских орудий, подготовку личного состава. Матрос В. П. Кирсанов на всех занятиях показал высокое боевое мастерство, хорошие теоретические знания и практические навыки.

14 января 1944 года в 9 часов 35 минут тишину морозного утра нарушили громовые раскаты сотен артиллерийских орудий. Массированный огневой удар ошеломил врага, нанес невозполнимые потери его живой силе и технике. Были подавлены основные артиллерийские и минометные позиции противника, нарушена работа штабов, потерявших управление войсками. Началось освобождение Ленинградской области.

Фашисты сопротивлялись с ожесточением обреченных. Там, где оживали огневые точки или появлялись новые узлы сопротивления, по заявкам корректировщиков артиллеристы кораблей, в том числе эсминца «Страшный», фортов и других береговых частей тут же наносили мощные огневые удары по указанным целям, расчищали путь для наступления.

— Начиная с раннего утра 14 января 1944 года, — вспоминает В. П. Кирсанов, — наши четыре 130-мм орудия беспощадно громили врага под Петергофом. В этих сражениях зенитные орудия корабля сбили несколько гитлеровских самолетов.

В дальнейшем «Страшный» участвовал в боевых операциях по освобождению Бьерского архипелага и Выборгского залива, Лужской губы, Таллина и Моонзундских островов. Электротехническая группа надежно обеспечивала электроэнергией все боевые части и службы корабля. Кирсанов нес вахту у действующих

турбо- и дизель-генераторов, у рулевого устройства в румпельном отделении.

— После Кронштадта, — продолжает Василий Петрович, — мы базировались в Либаве, Балтийске, а в 1947 году «Страшный» и «Свирепый» перешли в Росток (ГДР). Здесь мы провели капитальный ремонт корабля. В то время я был уже в звании старшины первой статьи и занимал должность старшины команды электриков. В 1951—1952 годы учился на курсах офицерского состава, продолжал службу.

В марте 1974 года В. П. Кирсанов уволен из рядов Военно-Морского Флота. Ветеран имеет 16 правительственных наград, в том числе орден Отечественной войны II степени.

Боевая юность помнится флотским братством, оно давало ощущение надежности плеча товарища, учило дорожить честью моряка.

БОЕВЫМ КУРСОМ

От Соловецких островов до берегов Черного моря юнги добирались больше недели. Но вот и Поти — порт, где базировались корабли, на которые они получили направления.

Когда командиру дивизиона тральщиков доложили, что прибыло пополнение, он сам вышел встречать молодых моряков. Специалистов на боевых тральщиках не хватало, и капитан второго ранга Ратнер надеялся, что штаб флота наконец-то решил доукомплектовать корабли его дивизиона. Но у трапа он увидел юнцов в морской форме и поморщился. А из группы прибывших вышел вперед стройный моряк и четко доложил: «Товарищ капитан вто-

рого ранга, юнги-рулевые Аркадий Белименко, Николай Матвеев, боцман Борис Иванов и радист Георгий Бриллиантов прибыли для прохождения дальнейшей службы на кораблях вверенного вам дивизиона!»

Бравый вид, молодцеватая выправка и четкий рапорт понравились командиру. Когда же Ратнер увидел свидетельства только с хорошими и отличными оценками, то совсем подобрел. Рулевых и боцмана он направил к командирам боевых частей корабля, а радиста сам привел в штурманскую рубку и, указывая на аппаратуру внутренней связи, сказал:

— Будешь работать рядом со мной на ультракоротковолновой радиостанции.

Так началась служба юнги Георгия Бриллиантова на флагманском корабле дивизиона — базовом тральщике «Щит».

Во время войны тральщики кроме борьбы с минной опасностью конвоировали суда, перевозившие личный состав, боевую технику и другие военные грузы, сопровождали танкеры с горючим, охраняли боевые корабли, вели борьбу с подводными лодками, отбивали атаки самолетов и торпедных катеров противника.

Базовый тральщик «Щит» только перед войной вступил в строй и был включен в состав второй бригады траления Черноморского флота. В начале войны его немного модернизировали, добавили вооружения и он стал флагманским кораблем дивизиона. К моменту прихода юнг в октябре 1943 года «Щит» был уже прославленным кораблем, многие моряки из экипажа имели награды.

Георгий Бриллиантов, как и его товарищи по школе юнг, был рад, что попал на прослав-

ленный корабль. Вместе с этим он понимал всю ответственность за доверенный ему боевой пост. Ведь это не просто радиорубка, а главный нерв всего соединения кораблей. Работал Георгий аккуратно, оперативно и четко. Это скоро заметил капитан второго ранга Ратнер и после выполнения одного из боевых заданий объявил матросу Бриллиантову благодарность.

Еще в начале ноября 1943 года на Керченский полуостров в районе Эльтигена был высажен десант, в который вошли части 18-й армии и 386-й отдельный батальон морской пехоты. Погода тогда не позволила высадить десант полностью. Но те части, которые уцепились за берег, отвоевали у противника небольшой плацдарм и прочно обороняли его. Немцы блокировали Керченский пролив, а на суше обрушили сильный удар на советских десантников.

Однажды на «Щит» прибыл начальник политотдела Главной базы флота капитан первого ранга М. И. Бакаев. Он рассказал, как мужественно защищают плацдарм в районе Эльтигена черноморцы 386-го батальона, которым командует подполковник Н. А. Беляев. Но у них кончились боеприпасы и продовольствие, скопилось много раненых, люди нуждаются в теплой одежде, неделю не получают газет и писем. Михаил Иванович просил моряков оказать помощь товарищам, оказавшимся в тяжелом положении.

Дивизион тральщиков вечером вышел в море и взял курс к Керченскому проливу. Гитлеровцы понимали, что советское командование обязательно окажет помощь десанту, и сосредоточили свои корабли у косы Тузла. Но капитан второго ранга Ратнер, предвидя это, провел свой дивизион там, где враг не ожидал. В этом

ему хорошо помог радист Бриллиантов, постоянно поддерживая связь с кораблями и точно передавая все маневры флагамана. Море здесь изобиловало отмелями, а кое-где и минными полями. «Щит», ведя тщательную разведку, осторожно вел за собой остальные корабли.

У Эльтигена сигнальщики заметили условный сигнал на берегу, и тральщики застопорили ход. В разгрузке участвовали все. Георгий Бриллиантов, стоя в воде, принимал на плечи ящики с патронами и выносил их на берег, помогал грузить раненых.

Выгрузка прошла успешно. Дивизион взял курс на Анапу. При выходе из Керченского пролива встретились немецкие дозорные катера. Ратнер вступил с ними в бой, и они отошли. Но в это время в воздухе появились вражеские самолеты. Бриллиантов бросился к зенитному пулемету, — там он по воздушной тревоге занимал место номерного. Дивизион дружно открыл огонь, и тотчас один стервятник рухнул в море. Появились корабли противника, его самолеты стали смелее атаковать тральщики. Круто бы пришлось нашим морякам, но им на помощь подошли два эскадренных миноносца. Враг бежал.

Почти сутки дивизион находился в боевом походе. Георгий Бриллиантов ощущал сильную усталость. Но когда командир дивизиона, подводя итоги выполнения боевого задания, объявил личному составу поощрения, в том числе назвал и фамилию радиста, ему стало радостно — теперь он чувствовал равенство среди смелых моряков команды.

Больше месяца морские пехотинцы защищали плацдарм в районе Эльтигена. «Щит»

еще несколько раз доставлял им пополнение, продовольствие, боеприпасы и почту. В каждом рейсе Георгий Бриллиантов надежно обеспечивал связь флагамена с кораблями, базой, самолетами поддержки и с десантом. А когда «Щит» подвергался налетам авиации, бежал к зенитному пулемету и отбивал атаки.

В апреле 1944 года началось освобождение Крыма. Чтобы не выпустить фашистов с полуострова, корабли флота встречали немецкие караваны на переходе и уничтожали их.

В одном из таких сражений Бриллиантов, работая у зенитного пулемета, заметил, что на корме горят дымовые шашки, лежащие на глубинных бомбах. Создалась угроза гибели корабля и команды. Георгий бросился туда и попытался сбросить шашки за борт. Но они были принайтовлены по-штормовому. Под рукой не оказалось ничего острого. И тогда матрос, обжигая руки и задыхаясь от дыма, перегрыз найтовы зубами и сбросил горящие шашки за борт. Затем он вернулся к пулемету и продолжал отбивать атаки немецких самолетов.

9 мая 1944 года был освобожден от немецких захватчиков город Севастополь. Но остатки фашистских войск сосредоточились на мысе Херсонес и продолжали оказывать упорное сопротивление. Отряд тральщиков под командованием капитана второго ранга Ратнера под обстрелом противника сумел прорваться в бухту Казачья и разминировать подходы к мысу. Следом прошли крупные корабли флота и открыли огонь по врагу. Матрос Бриллиантов, имея опыт корректировки огня, передавал на эскадру координаты целей.

За активное участие в боях за освобожде-

ние Крыма и проявленные при этом отвагу и мужество многие матросы, старшины и офицеры кораблей и частей флота были награждены орденами и медалями Родины. Матрос Бриллиантов был удостоен медали Ушакова.

После освобождения Крыма флот продолжал наступательные операции. Тральщики теперь часто использовались для высадки десанта. 27 августа дивизион взял на борт 384-й батальон морской пехоты, которым командовал майор Котанов, и направился к берегам Румынии. Радист Бриллиантов работал напряженно и четко. Устойчивая связь была с тральщиками дивизиона, с кораблями и самолетами поддержки.

Десант высадился возле порта Сулина. Морские пехотинцы, форсировав болотистый район, нанесли удар с суши, а корабли вошли в порт и огнем своих орудий уничтожили огневые точки и оборонительные сооружения противника. Гарнизон капитулировал. А на другой день морские пехотинцы и корабли флота освободили город Тулча.

29 августа начались бои за Констанцу — главную базу румынского флота. Дивизион Ратнера высадил десант, наступление которого активно поддерживали корабли эскадры. Враг еще сопротивлялся, но черноморцы мощным комбинированным ударом к вечеру взяли город и порт Констанцу.

Берега Румынии очищались от противника. 6 сентября утром вспыхнул бой отряда советских кораблей с кораблями врага. Немецкая подводная лодка выпустила торпеду по тральщику «Взрыв».

— Я в это время находился на вахте, — вспоминает Г. В. Бриллиантов, — работы было очень много. Кроме нашего дивизиона, в этом бою участвовали корабли других соединений. К стрельбе корабельных орудий и взрывам снарядов я уже привык и спокойно работал на аппаратуре. А тут вдруг услышал взрыв страшной силы. Выскочил из штурманской рубки — вижу погружающийся кормой в морскую пучину тральщик нашего дивизиона. «Щит» и другие корабли бросились на помощь «Взрыву», но спасти удалось немногих. Торпеда попала в среднюю часть и взрывом разломилась тральщик пополам. Встретив печальный взгляд командира дивизиона, я поспешил в рубку. Здесь меня уже ждала радиограмма: «Всем кораблям припустить флаги».

Так мы отдали последнюю честь погибшим товарищам команды «Взрыва». Подводную лодку, как и другие корабли противника, мы не выпустили из своего кольца. Один за другим они были пущены на дно морское.

В начале сентября 1944 года корабли Черноморского флота вели бои у берегов Болгарии.

Ранним утром из-за гор неожиданно появились немецкие самолеты, развернулись и пошли в атаку. На тральщиках прозвучал сигнал воздушной тревоги. Матрос Бриллиантов бросился к зенитному пулемету и в упор выпустил длинную очередь по самолету, который пикировал на тральщик. Фашистский бомбардировщик загорелся и рухнул в море. Но сброшенная им бомба разорвалась совсем рядом с бортом корабля. Взрывной волной и массой воды, поднятой взрывом, Бриллиантова сбilo с ног, он сильно ударился спиной о железный настил

палубы. В горячке боя Георгий еще поднялся на ноги, встал к пулемету и продолжал вести огонь по самолетам противника. Но после боя у него иссякли силы — товарищи нашли его у пулемета в бессознательном состоянии. Травма оказалась тяжелой — поврежден позвоночник. Но в молодые годы организм сравнительно легко перенес этот удар. После кратковременного лечения Георгий вернулся на корабль.

9 сентября 1944 года корабли Черноморского флота заняли портовые города Болгарии Варну и Бургас. Базовый тральщик «Щит» за боевые заслуги был награжден орденом Красного Знамени, личный состав удостоен болгарских наград.

После войны матрос Бриллиантов продолжал служить на кораблях Краснознаменного Черноморского флота, но последствия травмы давали о себе знать. Георгий лечился в госпитале, боролся с недугом, но преодолеть его не удалось. В 1947 году матрос Г. В. Бриллиантов был признан инвалидом войны второй группы и уволен из Военно-Морского Флота. Вернулся он в Уфу и работал фотографом производственного объединения Башфотопро «Нур». Его отвага и мужество отмечены орденом Отечественной войны первой степени, медалью Ушакова и многими другими медалями.

СТОРОЖЕВАЯ СЛУЖБА

В школе юнг на Соловецких островах Геннадий Клюкин освоил специальность радиста и был направлен для прохождения дальнейшей службы на Черноморский флот. В штабе флота

юнгю назначили радистом на сторожевой корабль СК-0336 2-й бригады траления и заграждения. Командиром корабля был образованный и опытный офицер — старший лейтенант Норильский.

— Боевой корабль, — вспоминает Г. П. Ключкин, — очень мне понравился. Команда состояла в основном из молодых, но уже опытных моряков. Они встретили меня с флотским радушием и традиционными шутками. Отмечена была моя отличная подготовка в школе юнг. Мне скоро присвоили воинское звание матроса. Я был допущен к самостоятельному несению вахты в радиорубке.

Наш СК-0336 вместе с другими кораблями флота участвовал в конвоировании судов с военными грузами, воинскими частями, нес дозорную службу в прибрежных водах, почти непрерывно отражал налеты немецкой авиации, атаки подводных лодок и кораблей, действующих в водах Азовского и Черного морей, на Днепре, Дунае и других реках Причерноморья.

Кроме исполнения обязанностей радиста, по боевому расписанию я был вторым номером крупнокалиберного пулемета, по пожарной тревоге работал с багром, по борьбе за живучесть брал в руки кувалду и спускался в трюм, где струя воды из пробоины сбивала с ног, пока мы заводили щит и закрепляли упоры. Словом, работы было много, но мы не тяготились службой.

Весной 1944 года СК-0336 и СК-0342 конвоировали транспорт из Поти в Новороссийск. Конвой двигался только в светлое время дня, а на ночь заходил в порт. На переходе транспорт прижимался к береговой черте насколько

позволяла глубина, а корабли охранения держались мористее, прикрывая транспорт от нападения с моря.

И только мы вышли из Поти, как акустик СК-0336 доложил, что слышит шум моторов подводной лодки. Корабли охранения начали маневрировать, чтобы не дать врагу сблизиться с транспортом и торпедировать его. Несколько часов шла невидимая борьба: кто кого перехитрит.

Корабли охранения, по шуму винтов определив местонахождение подводной лодки, атаковали ее. Но каждый раз она резко меняла курс, ложилась на грунт и выключала моторы. Корабли сопровождения теряли цель и подходили ближе к транспорту, чтобы в минуту явной опасности прикрыть его собою.

Так повторялось несколько раз.

Но вот подводная лодка решительно пошла на сближение с транспортом. Наши корабли охранения пошли ей навстречу, но она тут же застопорила ход, а когда СК-0336 и СК-0342 проскочили над ней, выпустила торпеду. К счастью, обошлось благополучно: транспорт имел малую осадку и торпеда прошла под килем.

СК-0342 подошел к борту транспорта и встал на его защиту, а СК-0336 ринулся в атаку на подводную лодку, сбросил две глубинные бомбы. На поверхности моря появилось большое масляное пятно. Подводная лодка противника, видимо, получила повреждение. Посыпалась новая серия глубинных бомб, и всплыли не только масляные круги, но и отдельные предметы фашистской субмарины. После этого

транспорт спокойно был доставлен в порт назначения.

СК-0336 участвовал еще во многих боевых операциях. Матрос Геннадий Ключкин отлично выполнял обязанности радиста.

Когда Черное море было освобождено от фашистской нечисти, СК-0336 был поставлен на ремонт, а команда расписана по другим кораблям. Старшего матроса Г. Н. Ключкина перевели на монитор «Измаил» командиром отделения радистов, но, пока на корабле шли ремонтные работы, отделение радистов во главе с Ключкиным взяли в радиоцентр штаба Дунайской военной флотилии.

Прибыв в Измаил, Ключкин принял радиопост. Когда весной 1945 года поступил приказ о возвращении радиста к штатному месту службы, начальник отдела связи Дунайской флотилии объявил Г. Н. Ключкину благодарность.

Старший матрос Г. Н. Ключкин принял радиопост и личный состав отделения радистов. Монитор прошел испытания и готовился к походу. В это время весь мир облетела радостная весть о великой Победе.

Но боевой работы еще было много. Монитор «Измаил» вышел в поход вверх по Дунаю для расчистки фарватера от мин, затопленных кораблей, судов и барж.

— Мы поднимались вверх по Дунаю, — рассказывает Г. Н. Ключкин. — Впереди нас шел отряд катеров-тральщиков, которые уничтожали мины, чистили фарватер от сравнительно легких предметов. А когда попадались суда и баржи, на помощь приходил «Измаил» и другие корабли.

По всему Дунаю были уничтожены мосты, сильно пострадали прибрежные населенные пункты. Сотни людей с домашним скарбом скопились на берегах в ожидании переправы. Командир «Измаила» капитан третьего ранга Балашов как старший офицер похода выделял плавсредства для перевозки людей. Беженцы рассказывали о кочующих вооруженных бандах, и моряки, сходя на берег, очищали селения от последышей фашистских грабителей.

Связь с кораблями, береговыми отрядами и штабом флотилии поддерживал старший матрос Г. П. Ключин.

Корабли шли только в светлое время суток, а на ночь швартовались к берегу. Так отряд дошел до Будапешта. На зимовку все корабли вернулись в Измаил. Здесь многие мониторы и катера были законсервированы, а некоторые сданы на слом.

В марте 1950 года старший матрос Геннадий Павлович Ключин уволился из рядов Военно-Морского Флота. Грудь его украшали четыре боевые медали. Он вернулся в родную Башкирию и долго работал на предприятиях связи.

ПРИБЛИЖАЯ ПОБЕДУ

В школе юнг Масгут Ягудин освоил специальность корабельного электрика и был направлен для прохождения дальнейшей службы на Черноморский флот. В отделе кадров штаба флота удивились, как же его, пятнадцатилетнего, приняли в школу юнг.

— Потому, что я и мои товарищи, — ответил Ягудин, — юнгами были еще с 1939 года.

И он рассказал, что много уфимских ребят увлекались военно-морским делом, тренировались на шлюпках по реке Белой.

Юнгу направили электриком на базовый тральщик № 406 (БТЩ-406).

В порту Поти у пирса базовых тральщиков юнгу встретил командир отделения тральщика старшина первой статьи Соколенко, познакомил с боевым постом.

В тот же день командир корабля собрал экипаж:

— Идем в конвое сопровождать танкер «Кремль».

Через несколько минут прозвучала команда: «По местам стоять! Со швартовых сниматься!» Миновали боновые заграждения, а море первой волной напомнило об осеннем времени.

— Мне оно, — вспоминает Ягудин, — показалось чужим и холодным, захотелось спуститься в кубрик и там переждать неласковую погоду.

Через несколько часов хода поступил приказ перестроить конвой. Кроме БТЩ-406, танкер сопровождали еще четыре тральщика, «морские охотники» и сторожевые корабли. Во время перестройки конвоя тральщики вышли вперед, «морские охотники» и сторожевые корабли заняли места с правого и левого борта.

— Сменившись с вахты, — вспоминает М. Ш. Ягудин, — я не раздеваясь прилег на рупдук. Но скоро знакомый и тревожный звон колокола громкого боя вызвал на верхнюю палубу всех свободных от вахты. Брезжил рассвет, было около 6 часов утра. Вахтенный объя-

вил о появлении в воздухе самолетов противника. Комендоры разошлись по своим боевым местам. Скоро в небе появились «юнкерсы». Моряки называли их «козлами». Два немецких торпедоносца прошли близко от курса нашего конвоя.

Корабли, идущие впереди танкера, открыли огонь по фашистским стервятникам и помешали гитлеровцам прицельно сбросить торпеды по нашему танкеру. Но следом навалились бомбардировщики, сброшенные бомбы разорвались вблизи кораблей. По палубе БТЩ-406 прокатилась мощная волна воды. Осколками поцарапало, а местами и продырявило борта и надстройки, но из команды никто не пострадал.

Новая фашистская бомба разорвалась близко от кормы БТЩ-406. Воздушной волной Ягудина бросило на лебедку, и он потерял сознание, его закрыло чехлом. Матросы отыскивали пострадавшего и оказали ему помощь. Поднявшись на ноги, М. Ш. Ягудин спустился в кормовой отсек и там увидел, что командир и механик стараются открыть люк румпельного отделения. Здесь, у самого ахтерштевня находится сектор руля, который работает от электродвигателя. Но из-за повреждения электропривода руль вышел из строя, БТЩ-406 держался в строю, маневрируя только машинами. А бомбежка каравана самолетами противника все усиливалась.

Ягудин, услышав, что руль не работает, прыгнул в румпельное отделение. Внутри было темно и много воды.

— Мы не сразу поняли, откуда поступает вода, — рассказывает М. Ш. Ягудин. — Только потом поняли, что через верхний открытый

люк. Я протиснулся к агрегату и попросил стоящих наверху у люка матросов открывать его на время отката волны. Внимательно осмотрев агрегат, я понял, что нарушено сцепление между сектором руля и валом электродвигателя. В нормальных условиях, на стоянке у причала и то в этот отсек трудно пробраться с инструментом, а при такой качке и бомбежке эту работу вообще выполнить невозможно.

Еще одна бомба упала недалеко от кормы, и тральщик так сильно трянуло, что электродвигатель сполз с бетонной подушки. Я ломиком попытался сдвинуть его, но очередная набежавшая волна сбила меня с ног — и так несколько раз.

Лучшим выходом из создавшегося положения было бы поставить корабль хоть на несколько минут бортом (лагом) к волне. Но командиру корабля не до этого — он маневрирует, уклоняется от бомб и снарядов. БТЩ выполняет команды командира только машинами. А это очень медленно и неточно. Бомбы рвутся все ближе и ближе, и каждая из них может потопить корабль.

Юнга Ягудин снова принимается за устранение неисправности. Левая нога от холода онемела, пальцы рук не сжимаются, а на помощь позвать никого нельзя — в отсеке помещается только один человек.

Случай помог БТЩ-406 воскреснуть. Корабль очередной волной сильно завалило на левый борт, затем качнуло на правый, Ягудин удержался на месте и посадил подушку на болты. Правда, правая его рука ему уже не подчинялась, но советский моряк в труднейших условиях устранил неисправность, восстановил

работу рулевого управления. БТЩ-406 стал, как и прежде, послушным кораблем.

Ход боя переломился, враг был отогнан, и танкер «Кремль» был доставлен по назначению.

За свой подвиг в бою М. Ш. Ягудин был удостоен медали Нахимова.

В марте развернулись ожесточенные сражения по освобождению Северного Причерноморья. 10 апреля была освобождена от фашистских захватчиков Одесса, 11 апреля — город Керчь, 13 апреля — Симферополь, а 9 мая 1944 года освобождена главная база флота — Севастополь.

Матрос Масгут Ягудин искренне полюбил свой БТЩ-406, хорошо усвоил все особенности корабля, деловито выполнял обязанности командира отделения электриков. Тральщик теперь входил в состав отдельной бригады сторожевых кораблей Крымского морского оборонительного района Черноморского флота с базой в Севастополе.

Началось освобождение западного побережья Черного моря. БТЩ-406 принял участие в десантной операции. Приближались вражеские берега.

Неожиданно прозвучал сигнал боевой тревоги. Вахтенный сигнальщик доложил, что на фарватере стоит неизвестное военное судно с белым флагом на рее. С БТЩ-406 запросили позывные корабля и его принадлежность. Но на встречном корабле не торопились с ответом — явно надеялись затянуть время. Дежурный сигнальщик тревожно доложил, что с левого борта виден перископ.

Два больших «морских охотника» в боевой готовности направились к подводной лодке, но фашисты успели выпустить торпеду, которая попала в судно с десантом. Взрывом судно разломило на две части, которые быстро погрузились в воду, увлекая за собой людей.

В вахтенном журнале появилась запись: «В 6 часов 24 минуты 2 сентября 1944 года торпедировано десантное судно. Из 311 человек команды и десанта спасено только 30 человек».

Как потом выяснилось, румынский корабль, в сговоре с экипажем немецкой подводной лодки, вышел навстречу нашим кораблям якобы с целью сдачи в плен. Но это была уловка, чтобы нанести предательский удар.

Часть этого коварного замысла удалась. Одно наше десантное судно погибло, но и фашистская подводная лодка была потоплена. Румынский корабль был пленен.

Корабли Черноморского флота шли вдоль берегов Румынии и Болгарии, высаживали десанты в Констанцу, Варну, Бургас.

— Ко Дню Победы, — вспоминает М. Ш. Ягудин, — мы были в своих портах и 9 Мая праздновали со всем советским народом.

В 1945 году старшина первой статьи М. Ш. Ягудин был переведен на Тихоокеанский флот, а в марте 1950 года он уволился из рядов Военно-Морского Флота, вернулся в Уфу и работал на предприятиях города. За активные боевые действия, успехи в труде Масгут Шакирович награжден орденами Отечественной войны второй степени, Красной Звезды, Трудового Красного Знамени и восемью медалями.

После окончания школы на Соловецких островах на Черноморский флот отправилась целая группа юнг, в том числе и радист Герман Костылев. Прибыли они в штаб флота, который в то время находился в городе Поти. В отделе кадров флота всех специалистов распределили по кораблям. Юнге Костылеву, как он сам считает, крупно повезло. Он получил назначение радистом на гвардейский эсминец «Сообразительный».

На корабль Костылев попал только вечером. И, едва успел доложить дежурному офицеру, прозвучала боевая тревога и раздалась громкая команда: «Корабль к походу изготовить!» Вахтенный офицер поймал бегущего по тревоге командира отделения радистов и вручил ему повичка. Но и тут не сразу удалось познакомиться. Командир отделения отдавал приказания другому радисту, и только после доклада о готовности поста к действию командир отделения подошел к юнге.

В ноябре 1943 года началась Керченско-Эльтигенская десантная операция.

«Сообразительный» не раз своим огнем поддерживал боевые действия десанта, принимал со шлюпок и катеров раненых морских пехотинцев.

К марту 1944 года войска 3-го Украинского фронта блокировали Одессу с севера. Начиная с 28 марта 1944 года «Сообразительный» и другие корабли Черноморского флота наносили удары по фашистским кораблям и береговым укреплениям с моря. Радист матрос Костылев

четко поддерживал связь с эскадрой и береговыми частями.

В апреле 1944 года началась подготовка к освобождению Севастополя. Фашисты заминировали не только основные фарватеры, но и каждый метр суши на пути к Севастополю.

В начале апреля 1944 года войска 4-го Украинского фронта начали наступление на Крым. Корабли Черноморского флота плотнее сомкнули кольцо вокруг полуострова. Эсминец «Сообразительный» огнем своих орудий уничтожал транспортные суда, вел борьбу с немецкими самолетами и другими видами транспорта.

После освобождения Крыма начался разгром врага в портах Румынии и Болгарии. Но все фарватеры, заливы Черного моря были заминированы, всюду действовали подводные лодки, береговая артиллерия и самолеты противника. Поэтому для захвата приморских территорий были сформированы специальные команды и выделены малые быстроходные суда. В одну из таких команд командиром отделения радистов был назначен матрос Костылев.

В румынском порту Констанца команда черноморцев, в которой участвовал Г. И. Костылев, захватила в плен румынский крейсер «Датия».

— День Победы 9 мая 1945 года, — вспоминает Г. И. Костылев, — я встретил в Севастополе в кругу друзей на своем гвардейском эскадренном миноносце «Сообразительный». Огорчало только то, что «Сообразительный» собирался уходить на ремонт в город Николаев, туда, где он был построен. В эти праздничные дни я наконец выбрал время и посидел в Ленинской каюте корабля. Среди витрин, отражающих боевую деятельность личного состава

корабля, я нашел и стенд, посвященный присвоению гвардейского звания «Сообразительному». Здесь же были телеграммы с поздравлением личному составу. В «Правде» была большая статья «50 000 миль в походах».

«Мы гордимся вами,—говорилось в статье,—товарищи командиры и краснофлотцы гвардейского эскадренного миноносца «Сообразительный», и радуемся вашим успехам! Не успокаивайтесь на достигнутом! Высокое звание гвардейцев должно воодушевить вас на новые подвиги... Нам предстоит еще суровая борьба против кровавого и пока еще сильного врага.

Военный совет флота выражает твердую уверенность, что экипаж эсминца «Сообразительный» будет высоко держать честь гвардейского флага корабля и в предстоящих боях с немецко-фашистскими захватчиками проявит еще более высокую дисциплинированность и организованность, еще более высокую военноморскую выучку и будет по-гвардейски бить немецких мерзавцев».

На другом стенде подведены итоги боевой деятельности корабля.

«56 раз эсминец обстреливал вражеские боевые порядки, подавил более девяти батарей, уничтожил до тридцати танков и машин, много живой силы. Более 2700 снарядов главного калибра израсходовал он, участвуя в артиллерийской поддержке наших сухопутных войск.

Отконвоировал без потерь в Одессу, Севастополь, Феодосию и порты Кавказа 59 транспортов, на которых были перевезены десятки тысяч людей, десятки тысяч тонн военных грузов.

Перевез на борту около 13 000 человек, раненных и эвакуированных из Одессы, Севасто-

поля и других населенных пунктов. Более тысячи тонн боезапаса перевез в Одессу и Севастополь.

Отразил более 100 атак авиации врага, в которых участвовало около двухсот самолетов противника. 200 раз эсминец выходил на боевые действия, пройдя более 60 000 миль без ремонта (морская миля равна 1852 метрам). За войну почти 200 суток эсминец пробыл в море и не потерял ни одного бойца. Не было на корабле и раненых. За время войны около ста человек отправились с корабля на сухопутный фронт. Краснофлотец Валентин Васильевич Ходырев, ушедший на фронт во время обороны Одессы, был удостоен высокого звания Героя Советского Союза».

Матрос Г. И. Костылев служил на гвардейском эсминце «Сообразительный» до 1950 года, в марте вернулся в родную Уфу и работал на предприятиях города. Грудь ветерана войны и труда украшают орден Отечественной войны второй степени и восемь медалей.

МЕТКИЙ ПУЛЕМЕТЧИК

После окончания школы группа юнг направилась для прохождения службы на корабли Черноморского флота. Юнге Каримову повезло. Его первая бригада торпедных катеров базировалась в Геленджике, и он на попутной машине до базы добрался быстро.

Каримов представился командиру отряда капитан-лейтенанту Скорому. Тот подвел его к крупнокалиберному пулемету и спросил:

— Вы эти установки в школе изучали?

— Я готовился на боцмана, — сказал Каримов, — но и с вооружением кораблей тоже знакомились.

Он подошел к ДШК, снял чехол, проверил работу механизмов, заглянул в ствол:

— Давно не чищен.

— В том-то и беда, что у нас не хватает личного состава.

Командир отряда привел новичка на торпедный катер № 344, вызвал командира катера старшего лейтенанта Петрова и сказал:

— Вот вам командир отделения ДШК матрос Каримов.

Три дня при выходах на боевое задание старший лейтенант Петров внимательно следил за действиями командира пулеметной установки, а потом похвалил:

— Молодец! Так держать!

К началу 1944 года битва за освобождение северо-восточной части Черного моря и Крыма только еще разворачивалась. Враг имел 1 крейсер, 4 эскадренных миноносца, 3 миноносца, 3 сторожевых корабля, 3 канонерских лодки, 11 подводных лодок, 28 торпедных катеров, 34 охотника за подводными лодками, 4 минных заградителя, более 100 быстроходных вооруженных барж и до 300 транспортных судов для перевозки личного состава, боеприпасов и вооружения. Корабли противника базировались на порты Румынии, Крыма, Одессы и других мест.

Советский Черноморский флот хотя по численности и не уступал противнику, но до крайности был стеснен потерями Одессы, Крыма, Новороссийска и других баз. Из восточных баз переходы для оказания помощи армейским частям были крайне обременительными. Но чер-

номорцы ни на один день не прекращали борьбы с вражескими кораблями, воинскими частями и оказанием помощи Советской Армии в изгнании гитлеровских захватчиков.

Торпедные катера, используя пасмурную погоду и темное время суток, выходили на «охоту» к фарватерам, по которым двигались караваны противника и наносили внезапные удары. В таких операциях часто участвовал и катер № 344, на котором командиром пулеметного расчета был матрос Насыр Каримов.

— Весенней ночью, — вспоминает схватку с катерами противника Каримов, — мы укрылись в заливе, где фарватер противника проходил недалеко от берега. На рассвете показался караван немецких транспортов. Торпедные катера нашей бригады внезапно нанесли торпедный удар. Фашисты не успели даже прикрыть свои транспортные суда, и они быстро затонули. Немецкие торпедные катера решили отомстить. Мы смело вступили в бой, но немецких катеров было больше, и они прижали нас к берегу. Неизвестно, как бы кончилось это сражение для нас. Но в это время на фарватере появился наш эскадренный миноносец «Сообразительный». Меткими залпами своих орудий он буквально разогнал немецкие катера, а несколько уничтожил.

У нас на исходе было горючее, да и боеприпасы подходили к концу. Командир отряда катеров поднял сигнал «Всем возвращаться в базу». А на нашем катере в это время заглух мотор. Мы выбивались из сил, чтобы заставить его работать, но он фыркал и замолкал. Немцы заметили нашу аварию и стали нас окружать. Я хоть и бережно расходовал патроны, но и

они кончились. Мой ДШК замолчал. Даже в дисках автоматов не осталось патронов. Раздалась команда старшего лейтенанта Петрова:

— Последнюю гранату оставить для себя!

Но нам на помощь поспешили катера нашей бригады.

В это время корабли флота нанесли мощные удары по побережью Крыма, освобождали приморские города. Когда освободили Ялту, первая бригада торпедных катеров перебазировалась в Ялту.

— По плану освобождения Крыма, — вспоминает Н. Б. Каримов, — мы должны были действовать на ближних морских сообщениях со стороны Каркинитского залива и со стороны портов Кавказского побережья. А с 18 апреля в нашу задачу включили побережье от Евпатории до порта Кача. Тут работы хватало на круглые сутки. Наши катера охраняли прибрежные воды, уничтожали немецкие боевые корабли и транспортные суда.

Особенно интенсивным движение вражеских караванов, отдельных транспортов и кораблей стало с приближением майских дней. Гитлеровцы всеми силами старались вырваться из Крыма, а мы их встречали на переходе и уничтожали.

Активные действия торпедных катеров на подступах к Севастополю продолжались до полного изгнания немецко-фашистских захватчиков из Советского Крыма. В ходе боев торпедные катера тесно взаимодействовали с авиацией. Летчики, заметившие караван судов противника или отдельные корабли, сообщали координаты целей. Катера направлялись к указанному месту и расправлялись с фашистами.

Торпедные катера активно участвовали в очищении Черного моря от флота противника.

В ноябре 1945 года Каримова перевели на тральщик. Их бригада очищала воды западного района Черного моря от мин.

— Разминирование портов, фарватеров, — рассказывает Н. Б. Каримов, — куда труднее, чем постановка мин. Срезанные тралом мины иногда ветер долгое время гоняет по водным просторам. Мы дважды едва не подорвались на таких блуждающих минах.

В марте 1950 года, подготовив себе хорошую замену, старший матрос Насыр Басырович Каримов уволился из рядов Военно-Морского Флота. Грудь его украшают орден Отечественной войны второй степени, медаль «За боевые заслуги» и еще девять боевых медалей. Насыр Басырович вернулся в Уфу, окончил университет и работал преподавателем истории в школе.

В БОЯХ ЗА ОСВОБОЖДЕНИЕ КОРЕИ

В школе юнг Саша Кузнецов освоил специальность электрика артиллерийского и в сентябре 1943 года получил направление для прохождения дальнейшей службы в ряды Тихоокеанского флота. Во Владивостоке, в штабе флота, юнгу направили на сторожевой корабль «Вьюга».

Корабль, хотя и участвовал уже во многих боевых операциях, был еще прочным, ухоженным и по-военному готовым к защите морских рубежей. Подстать кораблю подобралась и команда: офицеры, старшины и матросы всех

боевых частей и служб имели высокую боевую выучку, прочные практические навыки, хорошую взаимозаменяемость. Словом, это был сплоченный и хорошо подготовленный во всех отношениях коллектив. Все это радовало Александра Кузнецова.

Время было крайне тревожное и напряженное. Япония, хотя и заключила с Советским Союзом договор о нейтралитете, но систематически нарушала его, вела себя вероломно и нагло. Как только начались боевые действия Советского Союза против фашистской Германии, так сразу последовали бесцеремонные вторжения японских кораблей в наши территориальные воды, а самолетов — в воздушное пространство. Поэтому нашим боевым кораблям приходилось сопровождать транспортные суда, доставлявшие грузы на Сахалин, Камчатку и в другие отдаленные места. Один-два транспорта сопровождали 3—4 боевых корабля. И даже в этих случаях подводные лодки и самолеты самураев без опознавательных знаков нападали на наши караваны.

В сопровождении транспортов и в схватках с боевыми кораблями и самолетами противника участвовал и сторожевой корабль «Вьюга». Матрос А. М. Кузнецов своевременно и точно готовил данные для артиллерийских орудий корабля. Меткие залпы «Вьюги» надежно защищали наши транспортные суда на переходах.

В боевых походах и в учебе незаметно летело время. 9 мая 1945 года все тихоокеанцы с большой радостью отметили День Победы. Вместе с этим все свидетельствовало о необходимости разгромить и последнего союзника фашистов — милитаристскую Японию, освободить

советскую территорию Южного Сахалина и Курильских островов, отбросить самураев подальше от наших границ, помочь народам Китая, Кореи избавиться от колонизаторов.

Маньчжурская стратегическая операция, в которой участвовали 25-я армия 1-го Дальневосточного фронта, соединения и части Тихоокеанского флота, проводилась с 9 августа по 2 сентября 1945 года. В ней вместе с другими кораблями активно участвовал и сторожевой корабль «Вьюга», на котором служил матрос А. М. Кузнецов.

При освобождении корейских приморских городов Юки и Расин сторожевой корабль «Вьюга» прямого участия не принимал. Здесь по берегу подошла 25-я армия, малые корабли высадили десант, и самураи отступили в города Сейсин, Этетин и Гензан.

Бои за Сейсин начались 11 августа. Попытки высадить десант с малых кораблей кончились неудачей. Береговые батареи не дали возможности приблизиться к побережью. Некоторым катерам удалось высадить десант на полуостров Комацу, но продвинуться в глубь полуострова не давали огневые точки.

15 августа в 5 часов утра в Сейсинскую бухту вошли сторожевые корабли «Вьюга», «Метель» и другие с десантом 13-й бригады морской пехоты на борту. «Вьюга», «Метель» и другие корабли нанесли сильный артиллерийский удар по огневым позициям самураев.

Десант со сторожевых кораблей на берег перевозили на торпедных катерах. Когда к «Вьюге» подошел катер за последней партией десантников, на сторожевике уже была сформирована команда корректировщиков огня. Ее

возглавил капитан-лейтенант Собачкин. Заместителем командира корректировочного поста шел артиллерист матрос А. М. Кузнецов, радистом взяли Владимира Успенского и трех матросов для охраны поста. Вся группа корректировщиков погрузилась на последний пришедший за десантниками катер и удачно высадилась на берег.

Первое пристанище корректировщики избрали у высокого портового крана. Но место было явно неподходящее. Капитан-лейтенант Собачкин связался с командованием и получил приказ: пробиться в распоряжение батальона майора Барабулько, выбрать возвышенность и развернуть там корректировочный пункт.

Отбиваясь от нападающих самураев, отделение выполнило приказ командования. Наблюдатели поста быстро запеленговали бронепоезд, который вел губительный огонь по нашим десантникам. Первые снаряды разорвались недолетом. Кузнецов передал на батарею поправки. Второй залп попал точно в цель, и бронепоезд перестал существовать.

Наши десантники выбили японцев из передовых траншей. Японцы перешли на вторую линию обороны и продолжали оказывать упорное сопротивление. У советских моряков не хватало сил, чтобы выбить врага из оборудованных траншей. Тогда на помощь пришли артиллеристы. Корректировщики передали данные, и снаряды накрыли вражеские окопы.

Усилился и обстрел корректировочного поста.

Александра Кузнецова ранило в руку, Владимира Успенского сильно контузило, досталось и другим. Японцы предприняли атаку со-

ки, где разместился корректировочный пост. На помощь корректировщикам пришли морские пехотинцы и помогли отбить атаку самураев.

Утром 16 августа подошли наши боевые корабли третьего эшелона. Положение десантников улучшилось. Они выбили самураев из Сейсина.

19 августа из Сейсина вышли корабли и катера в Этетин. Десантники с пристани устремились в город. Японцы почти не сопротивлялись. А там, где встречалась засада или укрывшийся отряд противника, десантники быстро вступали в бой. Через час моряки уже полностью контролировали порт и город Этетин.

Впереди был город Гензан. Советское командование обратилось к японскому контр-адмиралу Хори и полковнику Сата, которые командовали морскими и сухопутными силами в Гензанском районе, с ультиматумом сложить оружие без боя. Хори и Сата заявили, что они согласны на капитуляцию, но просили подождать официальных лиц, уполномоченных подписать капитуляцию.

Преднамеренное затягивание со сдачей крепости и подписанием капитуляции со стороны японского командования вызвали возмущение жителей Гензана. Утром 22 августа они вышли на улицы города и потребовали от японского командования разоружения своих частей. Хори и Сата опять пытались сослаться на отсутствие у них полномочий подписать капитуляцию. Советское командование поддерживало законные требования населения и предлагало Хори и Сата выполнить свои обещания. Сознвая безвыходность положения, солдаты сами стали складывать оружие. За солдатами последовали офи-

церы. И не дожидаясь формального подписания капитуляции, по главной улице Гензана выстроилась длинная очередь сдающихся в плен японских солдат и офицеров. К вечеру 22 августа весь гарнизон Гензана и прибывшие на подкрепление части сложили оружие.

Так, в течение более 10 дней все восточное побережье Северной Кореи было освобождено от японских захватчиков, хозяйничавших в стране на протяжении сорока лет.

Из Гензана матрос А. М. Кузнецов вернулся на свой корабль. За участие в боевой операции по разгрому японских самураев он был награжден медалью Ушакова.

После войны сторожевой корабль «Вьюга» вошел в состав учебных кораблей Владивостокского военно-морского училища, и Кузнецов ежедневно занимался с молодыми курсантами. В марте 1950 года в звании старшего матроса Александр Михайлович уволился из рядов Военно-Морского Флота, вернулся в Уфу, обзавелся семьей и работал на предприятиях города.

СОДЕРЖАНИЕ

Вступление	3
Не забыть боевые походы	9
Отважный боцман	20
Комсомольский вожак	25
Торпедные атаки	32
На трех военных флотах	38
Боевые будни	44
На малых катерах	48
На защите Ленинграда	56
Грозное оружие линкора	62
Флотское братство	68
Боевым курсом	73
Сторожевая служба	80
Приближая победу	84
Высокое звание гвардейца	90
Меткий пулеметчик	93
В боях за освобождение Кореи	97

Демьян Николаевич Ведерников

ОГНЕННАЯ ЮНОСТЬ

Редактор В. Б. Иванов

Художественный редактор Х. Г. Насыров

Технический редактор Ф. Г. Гайфуллин

Корректоры И. П. Пастушкова, Э. Н. Сулейманова

ИБ № 3754

Сдано в набор 16.02.89. Подписано к печати 06.04.89. П0014
Формат бумаги 70×90¹/₃₂. Бумага книжн.-журн. Гарнитура обыч-
новенная новая. Печать высокая. Усл. печ. л. 3,80. Усл. кр.
отт. 3,95. Уч.-изд. л. 3,72. Тираж 10 000 экз. Заказ № 552
Цена 15 коп.

Башкирское книжное издательство. 450000, Уфа-центр, ул. Со-
ветская, 18. Уфимский полиграфкомбинат Госкомиздата Баш-
кирской АССР. Уфа, проспект Октября, 2.